

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 21

Независимое Издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас..» (С)

Мысли - это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, прозы которых заставят каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

ISBN: 978-1-67813-243-9

УДК: 1751

Budapest 2020

Итоги конкурса

1 место: Михаил Замский

Дополнительная информация от первого лица:

Родился в Киеве. В Израиле с 1980 года. Пишу стихи и прозу. Сборник стихов "Стихи,стихи.." 2003 Тель-Авив. На Лит.рес Сборник стихов и прозы "Итог" 2017.Публикуюсь на сайте "Стихи Ру" и "Проза ру" Финалист национальной литературной премии "Писатель года" 2018. Номинант национальной литературной премии "Писатель года" 2019. Участник "Антологии русской прозы 2019 том 2.

2 место: Дарья Николаенко

Дополнительная информация от первого лица:

Меня зовут Николаенко Даша, родилась в городе Минске в далеком 1992-ом году. На протяжении семи лет работаю инженером-программистом в различных ИТ-компаниях. Свободное время стараюсь проводить за чтением книг или за рулем всевозможных движущихся средств. Вместе с тем слежу украдкой за жизнью людей: люблю их, жалею, осуждаю, виню и в самых редких случаях рассказываю людям о людях. Делюсь не знаниями, но мыслями в скромной надежде изменить мир.

3 место: Ирина Артамонова

Дополнительная информация от первого лица:

Ирина Артамонова родилась 23 октября 1936 года. Инженер-геодезист, ктн, доцент. Работала на производстве, в НИИ, Трудовой стаж 56 лет, из них – 30 лет преподавала в ВУЗе (МИИГАиК).

Стихи пишет с детства, публикуется в различных сборниках и журналах: в альманахах «Словесность» (СЛР), сборниках СПР МГО, журналах «Северомуйские огни», «Читайка» и др. Всего около 50-ти публикаций. Автор 12 поэтических сборников и 2 книг прозы.

Член Союза литераторов России и Союза писателей России. Постоянный участник литературного объединения «Избранники муз».

Финалист, лауреат и победитель многих поэтических конкурсов, в том числе: победитель конкурса «Академия. Детская литература» МГО СПР 2018 г. и конкурса «ПОЭЗИЯ» 2018 – 2019 с вручением медали им. С.А. Есенина. Награждена дипломом «Выдающийся деятель культуры и искусства России в 2012 году.

Живёт в Москве.

Содержание

Михаил Замский	6
Дарья Николаенко	11
Ирина Артамонова	27
Виктор Астанин	32
Виктор Колбасин	59
Светлана Назарова	65
Ирина Стебунова	71
Контактная информация авторов	73

Михаил Замский

Аура

Слишком теплый для этого уголка Средиземноморья декабрьский денёк подходил к концу. Огромный, всё ещё пылающий диск Солнца, казалось, завис над не слишком уж отдалёнными деревьями. И всё, на что падали его подуставшие за день лучи, казалось таким же красивым и немного печальным.

“Дети Солнца”, - подумал старик. Кажется, есть у Горького такая пьеса. Не читал, но как же красиво звучит! И как верно! Ведь мы и вправду его дети, хоть редко это осознаём и ещё реже чувствуем. Старик задумался. Снова вернулось то, о чём думал в последнее время. Почему люди такие разные? Почему одним достаточно повседневного, житейского, в разных вариантах, по сути, одного и того же, со всеми его радостями, горестями, заботами, утомительным разнообразием суеты, а другим нужно что-то ещё и без этого ещё они не могут жить?

“Да вот этого всего, что вокруг”, - сам себе ответил старик. “Неба, солнца, воздуха, ветра, каждого дерева, каждой травинки, каждого сосредоточенно и деловито куда-то ползущего муравья, этого, непонятно откуда взявшегося чувства, что ты не сам по себе, а, вот именно, частица, капелька всего этого огромного мира вокруг тебя и в тебе самом в том числе. Вспомнилось из Киплинга: “Мы одной крови”. С некоторого времени он это чувствовал, знал, был уверен.

Особенно сильно он это чувствовал вечерами, когда уходил свет дня, и всё, что оставалось, становилось ближе, роднее, больше твоим, личным, как будто жалось к тебе, искало защиты.

Поздний вечер ближе к полуночи. Почти безлюдная улица в свете фонарей, тёмные лишь кое-где освещённые громады домов, безветрие...Казалось, какая-то ласковая аура окутывала всё вокруг, проникала в душу. Хотелось прикоснуться к листьям, доверчиво протягивающим к нему свои ладошки, погладить, сказать им что-то ласковое, успокаивающее, как ребёнку. Казалось, они понимают, слушают, не боятся. “Мы ведь одной крови. Ты ведь свой.”

Закат догорал. Всё больше и больше темнело небо. Зажглись фонари. Стало прохладнее. Привычно набрав код, старик вошел в подъезд. Многоклеточный, живой, 15-ти этажный дом жил своей жизнью. Почему-то он ему казался большим кораблём. Мужчины, женщины, дети. Разные люди, разные судьбы. Большой Ноев ковчег, плывущий куда-то в неведомое, бог знает чему навстречу, в то, что знать не дано, в то, что называется будущее. Неизбежно, неотвратно. Всё дальше, дальше, дальше...

Очарованность

Очарованность души, романтика. Почему-то захотелось вдруг поговорить об этом, повспоминать, поделиться. Начну с детства. Все мы ведь оттуда.

Помнится, где-то в пятом-шестом классе подарили мне на день рождения “Два капитана” Каверина. Боже! Как много значила для меня эта книга! Ведь в детстве так нужен идеал. Теперь он у меня был. Вы скажите: детство, романтика. Может быть. Но скажите: “Бороться, искать, найти, не сдаваться” это детство? Вы уверены? А я вот думаю, что по-другому жить нельзя, если не хочешь презирать себя потом.

А вот очарованность пришла позже, после первого курса, летом на каникулах. Измученный, влюблённый, не знающий куда себя деть, слоняющийся лениво, бессмысленно из угла в угол, считающий дни.

Казалось, это лето никогда не кончится. И вот, тогда как-то на пляже, от скуки томик Паустовского и пропал, и уже не мог оторваться, и заболел, или полюбил (выбирайте что хотите) на всю жизнь. Вот на вскидку немного. Большинство читало, конечно. Просто напомнить, оживить.

Южный город шумел под белыми сентябрьскими звёздами. Туман стоит зелёной морской водой. Рыжая осень осыпается в переулках и глаза женщин темнеют от любви к крошечным детям.

Чехов писал за простым письменным столом. Светила лампа с зелёным абажуром. Пальцы его холодели от спокойной жалости к людям. Мохнатые зимы, бубенцы, смешная нелепость старой России и, как стон скрытой тоски, песни цыган из Яра.

Мы расходились по домам. А снег всё падал и падал. Пылали щёки. Молодое и пылкое наше счастье бежало наперегонки с нами по скользким тротуарам, провожало нас, долго не давало заснуть. Оно мигало на стенах. Оно сыпалось на землю ворохами снега. Оно пело всю ночь сквозь тёплый сон свою вечную песню о любви и печали.

Скажите, что может быть прекраснее? И вот, с этих самых пор и вошла в душу очарованность и осталась. И жить без неё я уже не мог. А уж потом пришла и поэзия. Ведь жизнь, сколько бы ты прожил, измеряется не годами, а мгновениями счастья. А очарованность так похожа на счастье, а может даже оно и есть. Ведь душа, как струна, ждёт свою музыку. А поиск себя разве это не поиск своей, только своей музыки, своей песни. И ещё это совесть – высочайший полёт души к Богу.

И когда рядом рухнет израненный друг
И над первой потерей ты взвоешь скорбя.
И когда ты без кожи останешься вдруг
От того, что убили его, не тебя.
/ Владимир Высоцкий/

Заканчиваю. Ничего нового я, конечно, не сказал, никаких Америк не открыл. Можно было и не читать. А вот это прочтите пожалуйста. Очень вас прошу. Обещаю – не пожалеете.

А что ещё нужно душе?
Немного любви и тревоги
Немного листвы на дороге
И ветра в сухом камыше.

Но главное – это печаль
Как тихое, кроткое море,
Как музыка в Домском соборе
Когда забывается горе
И кажется жизни не жаль.
/Анатолий Жигулин/

Великая литература, великая поэзия, великая музыка. Нет без них души, нет жизни, нет Человека.

Встреча

Эту историю рассказал мне когда-то давно мой коллега. Мне кажется, она стоит того, чтобы быть рассказанной. Впрочем, судите сами.

Второй курс. Летняя сессия. Предстоит экзамен по пат анатомии. Девушка, с которой я встречался, готовилась с подругами. Я так не мог. Зрительная память была лучше. Поэтому предпочитал одиночество. Погода была отличная. Но вот не лезла в голову эта чёртова анатомия, хоть убей. Готовился как вы думаете где? Никогда не догадаетесь. На пляже. В результате - один выученный билет. Какие были шансы его вытянуть? А ведь именно его и вытянул. Почему я об этом рассказываю, поймёте позже. А теперь сама история.

Я летел в Киев. Впервые, между прочим, после выезда в Израиль.

Почему через много лет, долго рассказывать. Да и к истории этой не имеет отношения. Но, если коротко, в двух словах – тянуло. Пройти, хотя бы ещё раз улицей детства, взглянуть на дом, зайти во двор, дойти до школы. И так далее, и так далее. От одного только перечисления бог знает что с душой творится. Но я отвлёкся.

Итак. Встретились мы с ним в аэропорту Бен Гурион в Лодде. Я бы не узнал его. Узнал он. Друзьями мы не были. Просто учились в одной школе в параллельных классах. Встречались иногда. Не более. Откуда-то он знал, что я закончил медицинский.

“Как жизнь?”- спросил он. “Нормально,”-в тон ему ответил я. Он уловил в моём ответе грустную нотку. Внимательно посмотрел. Молчал, о чём-то думал. Вдруг, как будто решившись, заговорил. Глухо, с усилием.

“Знаешь, а я ведь тоже поступал в медицинский. Я- то хотел в геологоразведочный. Манила романтика, как мне казалось

Этой профессии.А вообще-то манила жизнь: ощутить, потрогать, испытать, прожить. Манила так, что кружилась голова. И меньше всего хотелось в медицинский. Но этого хотела мать и, по её словам, мечтал отец. Отец, которого я не помнил, который любил целовать меня в попку и называл Мишуткой. Как мог я пойти против её желания, против его мечты? Не хватило одного балла. Честно говоря, я был рад. Во всяком случае, теперь совесть моя была чиста. Но предстоял призыв.

Конечно же я боялся. Книжный мальчик, наивный, робкий, не знающий жизни, не умеющий драться, еврей. Успокаивал себя: ничего обойдётся, не война, уходят, возвращаются. Всё будет хорошо. Но сбылось худшее. Чего только не было! Кто служил, знает. А кто не служил, поверьте на слово. И так день за днём, неделя за неделей, месяц за месяцем. В какой-то момент понял-живым мне отсюда не выйти. Оставалось одно... А теперь подхожу к главному, ради чего, собственно, и пишу.

Был у нас в роте один молчаливый парень. Боксёр, между прочим. Боксом ещё до Армии занимался. Держался в стороне. Меня не трогал, но и не защищал. Время от времени ловил я на себе его внимательный, как будто оценивающий взгляд. А я уж почти решился. Ждал ночного дежурства. Где-то за день-два до дежурства будит он меня.

- Выйдем. Только тихо. Одедся. Вышли. Ночь была тихая, звёздная.

- Думаешь не знаю, что ты задумал?- говорит. — Только хрен у тебя это выйдет. И так двинул меня в челюсть, что потемнело в глазах. Грохнулся, как подкошенный. Поднял, поставил в боксёрскую стойку. — А теперь держи удар и старайся не открываться. И началось... Теперь уже он избивал меня. Мастерски, профессионально. И пошла учёба. Хотите верьте, хотите нет, но он стал для меня всем. Верил ему, как богу. Слушался беспрекословно. И учился, учился... Сначала ничего не получалось. А потом как-то сдвинулось и пошло. Исчез страх. Кулаки наливались тяжестью. Удары всё точнее, всё рассчитаннее.

- Виду не подавать, - сказал он. — Скажу, когда будет можно.

И вот настал этот день, мой день. Ох, и отметелил я одного подонка из их компании. По полной программе. Не знаю догадались ли они кто стоит за моей победой, но что это меняло? Отсидел я за драку, понятно, но с каким же удовольствием! Всё во мне пело. Это был Мой день, мой День Победы! Да разве передать! Этот день искупал всё. Ради него стоило пройти все муки, отчаяние, всё, что угодно. И тогда я понял почему он меня не защищал с самого начала. Ведь казалось бы- чего проще? Хотел сделать из меня мужчину. Выжидал пока не дойду до предела. И только потом учил. По-своему. Жестко,

беспощадно. Иначе было нельзя. Иначе бы ничего не вышло. Больше меня не трогали. Даже лезли в дружбу, побаивались. Да и я не мстил. Держался ровно. Зла не помнил.

Что было потом? Поступили оба в геологоразведочный, как и хотели. Однажды на вечере в институте познакомился с девчонкой из медицинского. А потом было двадцать пять лет счастья. Сын, дочь. И... всё кончилось. Рак в поздней стадии. Через полгода её не стало. И меня тоже... Как жил год после её ухода, не помню. Что ел, что пил, кто был рядом? А потом взял сына и уехал в Израиль. Не мог я оставаться. Ходить по тем же улицам, встречать её друзей, дышать тем же воздухом! Не мог. Я взглянул на него. В глазах у него была мёртвая тоска.

- А дочь? -спросил я. — А дочь стала женой его сына. Теперь у меня четверо внуков. Внук и внучка в Израиле и две внучки в Москве.

Объявили посадку. Мы распрощались. Обменялись телефонами. Он не позвонил. Я тоже. Вот и вся история. Вы скажите- повезло. Повезло, конечно, как вот мне когда-то с тем билетом. Но, знаете, я думаю ему повезло ещё раньше, когда не хватило одного балла. Всё-таки один шанс у него остался. А если бы хватило?

Дарья Николаенко

Белый Бим, крашеное ухо

Меня не хватит надолго, точно
 и я не успею, прости,
 спасая себя денно и ночью,
 еще и тебя спасти.
 Не стоит верить в меня, честно,
 зачем ты следишь за мной?
 Как я, ты не знаешь свое место?
 Дай лапу, пойдем домой.

Осенним погожим днем она собиралась на встречу. Аккуратно собрала волосы в пучок, подвела брови, немного глаза, губы не трогала, они и без того хороши. Надела шелковую блузку освежающего голубого цвета, белую юбку-карандаш, туфли на высоком каблук. Закинула в сумочку все, что могло бы понадобиться, перекинула плащ через ручки. Открыла входную дверь, чтобы выйти, вернулась, в который раз посмотрела на себя в зеркало, улыбнулась:

- Вот теперь можно идти, - задорно подмигнув своему отражению в зеркале, произнесла она и вышла из дома.

Светлана стояла на станции метро, ожидая поезда, думала о предстоящей встрече. Как давно они не виделись, четыре года, пять? В современном мире так просто поддерживать связь, интернет переполнен соцсетями, но это не для них, а телефон и вовсе потерял свою актуальность. Беседа уступает место переписке, и мир постепенно погружается в гнетущую всепоглощающую тишину. Но вдруг раздается телефонный звонок:

- Как ты живешь ?

- С мамой, а ты ?

- Замуж выхожу. Поможешь мне выбрать платье ?

- Говори адрес.

Любопытно, что изменилось за это время. Узнают ли они друг друга, будут ли рады видеть. А разговор, о чем говорить... Вопросов было все больше, с каждой станцией волнение нарастало. Она вышла из подземелья, глубоко вдохнула свежий осенний, чуть влажный после дождя воздух, огляделась. Вот он, тот самый салон, в котором они условились встретиться. Обтянула юбку. Двери салона отворил приятного вида молодой парень. А вот и Марина стоит к ней спиной.

- Господи-боже, как я рада тебя видеть! - воскликнула Света, чуть только Марина повернулась к ней лицом. - Ты ни на грамм не изменилась!

- Тем сложнее нам будет выбирать платье, - со смехом ответила подруга, разведя руки в стороны для объятия.

- Почему же ты не звонила, я думала, ты уехала жить за границу.

- Так и было. Пожила сначала в одном месте, потом в другом, только счастья не нашла. А оно видишь, как оказалось, дома осталось.

- Я очень рада за тебя! Обещай, что ты все-все мне расскажешь! Про жизнь заграничную и жениха отечественного, - не унималась Светлана.

- Обещаю! Теперь у нас для всего отыщется время. А пока полистаем каталог? Я приглядела парочку нежных платьев.

- Да-да, конечно.

- Устраивайтесь поудобнее, девушки, - перебил их молодой человек, - может быть, кофе?

- И конфеты с ликером, пожалуйста, у нас сегодня особенный день, - весело подхватила Света.

- Будет исполнено, - улыбаясь ответил парень и оставил девушек наедине.

Они перемерили десятка два платьев, выпивая одну за другой кружечку горячего ароматного кофе. Улыбка не сходила с лица Светланы. Она сидела в мягком кожаном кресле кремового цвета, закинув ногу за ногу, и с удивительным красноречием расхваливала подругу в каждом из платьев. Но, наконец, выбор сделан: платье куплено, аксессуары подобраны, визитка салона в кармане.

- Спасибо за помощь.

- Мне было приятно.

- Встретимся на девичнике ?

- Говори адрес.

- Девушка, девушка, - пронзительный женский голос доносился со спины. - Девушка, постойте же! - не унимался голос.

“Наверное, стоит обернуться, я ведь, все-таки, девушка,” - подумала Светлана, спускаясь по лестнице к перрону.

Она замедлила шаг, обернулась посмотреть, кому предназначалось обращение. Полная женщина средних лет с одышкой и свистком в руках бежала вниз по лестнице, выкрикивая трудно различимые в шуме прибывающих поездов слова. Женщина приблизилась к Светлане, остановилась, чтобы отдышаться.

- Девушка, вы не слышали, я вам кричала! - не без злости набросилась она на Светлану.

- Извините, я не думала, что вы обращались ко мне. А в чем, собственно, дело ? - с интересом, но в то же время с опаской спросила Света.

- Девушка, вход в метро с животными строго воспрещен, неужели, вы не знаете!

- Божечки, с какими еще животными ? - недоумевающая, с улыбкой произнесла девушка. - У меня нет никаких животных.

- А это что такое ? - почти издевательски спросила женщина, указывая рукой за спину Светланы.

Девушка обернулась и увидела за своей спиной грязного кудлатого пса. Пес стоял прямо за Светланой в сантиметрах пятидесяти от ее ног. Он стоял неподвижно, практически уткнув нос в колени девушки. Пес весь с головы до ног был покрыт грязью, от этого шерсть казалась черного цвета, в сбившихся кудрях скрывался разного рода мелкий мусор: опилки, кусочки глины и даже окурки. Светлана с ужасом взглянула на женщину.

- Это не мое, - тихим голосом произнесла девушка.

- Ничего не хочу слышать, он зашел следом за вами.

Делать было нечего. Светлана еще раз взглянула на пса, неужели, он действительно все это время преследовал ее. Она сделала пару шагов, пес последовал за ней. Немного кругами, чуть-чуть восьмеркой, картина не менялась, пес неустанно и смиренно шел за девушкой по пятам. Они вышли из перехода на улицу. Стояла чудесная солнечная осенняя погода. Один из тех дней, когда небо ясное, солнце жгучее, а ветер свежий, но еще по-летнему мягкий. Сегодня выходной. Люди такие веселые и безмятежные прогуливаются по улицам города, рассматривая друг друга, выставляя оценки тому или иному наряду, прическе, особенно, макияжу. Девушки надели свое лучшее платье, мужчины причесались, все дышит красотой и, вдруг, этот пес...

Светлана отошла к небольшой лужайке, обернулась, пес все еще был здесь. Она села на корточки, чтобы быть к нему ближе, чтобы рассмотреть, чтобы поговорить. Такое странное желание, но и единственное на тот момент.

“Откуда ты взялся, дружок...”, - почти шепотом, глядя собаке в глаза, произнесла Светлана, - “Откуда ты взялся? Ты, верно, давно бродяжничаешь, многое видел, бедняга, и вынес немало. Ты болен? А, может, ты зол? Когда в последний раз ты ел и что... Где ты спал, где гулял, с кем играл. Зачем ты нашел меня, а главное, за что?...”, - она помолчала с минуту, отвела глаза в сторону, тяжело вздохнула, и теперь уже уверенным голосом твердо произнесла: “Ну что же, дружок, для себя я все решила, теперь твой черед. Я собираюсь раздвинуть твою скудлаченную шерсть, чтобы посмотреть, нет ли у тебя кожных заболеваний, я загляну тебе в уши и даже залезу к тебе в пасть. Если ты оцети니шься или огрызнешься на меня, дружок, я оставлю тебя. Ты слышишь, оставлю.”

Света еще раз взглянула на пса и приступила к тому, что ему обещала. Она не щадила пса и с усилием раздвигала шерсть в самых нежных и болезненных местах, она оттянула одно ухо, затем другое, пес не издал ни звука. Подошла очередь самого опасного и неприятного испытания, нужно

было одной рукой приподнять верхнюю губу собаки, другой нижнюю, чтобы посмотреть зубы, и если даже это не выведет его из себя, попробовать силой открыть пасть. Светлана долго ждала реакции, держа пасть открытой, но ее не последовало. Пес смотрел ей в глаза, ни один мускул не дрогнул на его теле за время испытаний. Он сделал свой выбор, он смотрел прямо и открыто, ни шагу назад, он знал, чего хочет, он знал, чего ждет.

- Дай лапу, пойдем домой...

В метро с собаками не пускают, а как добраться из центра другим транспортом Светлана не знала. Она вежливо остановила пожилую пару, молодежь бесполезно спрашивать, а эти, наверняка, помогут.

- Нужно-то сменить пару автобусов, дружок, и мы дома. Только как же я затащу тебя в транспорт? Белая юбка моя после такого никогда не отстирается. Брось, не переживай, придумаем что-нибудь.

Они подошли к остановке, но стояли поодаль, люди вокруг бросали осуждающие взгляды на Светлану и презрительные на пса. Собака не проявляла и тени агрессии, сидела смирно рядом с девушкой. Автобус приближался к остановке, но Света не торопилась подходить. "Как-нибудь в самом конце. Не торопись, дружок, последними зайдем, чтобы никому не мешать." Девушка двинулась к автобусу, пес шел за ней. Она подошла к самым дверям, не зная, что ей делать: взять собаку на руки, попробовать позвать его за собой? Света поставила одну ногу в салон, чтобы двери автобуса не закрылись случайно. Пес угадал ее мысли, робко заглянул в салон автобуса, а в следующее мгновение уже стоял на площадке рядом с перилами. Девушка последовала за ним. Светлана с собакой заняла пустую площадку в хвосте автобуса, взялась за поручень, пес сел в углу рядом с ней. Автобус тронулся... и люди тоже.

- Ни стыда, ни совести. Сама вон, как вырядилась, а собака хуже черта! - сыпались упреки один за другим.

- Уберите этого вонючего пса.

- Собака-то бешеная, бешеная собака!

- Понабирают шавок, спасу нет! Животное должно в будке сидеть, а не по транспорту скакать.

- Блохи по всему автобусу, да что же это такое?

- Выбросить их обоих, и дело с концом.

Проехав пару остановок, Светлана с собакой вышли из автобуса.

- Не слушай их, дружок, не думай даже. У нас с тобой был тяжелый день, а у них, видимо, тяжелая жизнь.

Еще несколько попыток с автобусом не увенчались успехом. В одном кричали, что собака пачкает пассажиров, в другом боялись, что сидит без поводка и намордника. Светлана тоже переживала из-за того, что пес, хоть и

ходит за ней, но совершенно свободно, без поводка. А, вдруг, он чего-то испугается, рванется и попадет под машину?! Нет, так больше продолжаться не может. “Мы идем пешком, и мы идем за подарками”.

Пройдя несколько километров, им повстречался небольшой зоомагазин. Светлана подошла к двери, заходить с собакой было нельзя, но и оставить его одного никак невозможно. Девушка приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы можно было разглядеть продавца.

- Добрый день, мне очень нужен поводок и ошейник для собаки.
- Добрый, для какой собаки ? - с недоумением спросила продавец.
- Для этой, - Светлана открыла дверь шире, чтобы показался пес.

“Ну вот, дружок, теперь ты совсем культурный”, - приговаривала Света: “Теперь никто не посмеет косо на тебя посмотреть или обругать. Ты только погляди на себя, ты прекрасен! Ты идешь рядом со мной, будто всю жизнь так ходил. С тобой, верно, приключилось несчастье, может быть, ты потерялся? Это ничего, дружок, я тебя отмою, причешу, развесим объявления, и ты найдешься! Кто-то обязательно тоскует по тебе, иначе и быть не может. ”

Они неминуемо приближались к дому, где их никто не ждал. Светлана знала, как трудно будет уговорить маму оставить собаку. Совершенно понятно, что такие решения не принимаются в-одиночку, но пути назад уже не было. На пороге дома их встретил старший брат.

- Верни это, откуда взяла! - гневно сквозь зубы прошипел брат.
- Я не могу. Я не смогла оставить его, - сквозь слёзы отчаянья лепетала девушка. - Он выбрал меня, я не смогла оставить...
- Мама, ну чего ты сидишь, ты не понимаешь, что происходит ? - переходя на повышенные тона, не пуская Свету в квартиру, не успокаивался он.

Минута тишины, то и дело нарушаемая тихими всхлипываниями Светланы, прервалась спокойным маминым голосом:

- Что же теперь делать, веди его в ванную, будем мыть.

Брат в отчаянии стукнул кулаком в стену и отправился в свою комнату. Света подхватила пса, затащила его в ванную. “Затащила” - неверное слово, ведь он не сопротивлялся. Мама держала душ над собакой, пока Светлана пыталась вымыть всю грязь и мусор с длинной сбившейся шерсти. Этот процесс занял много времени и сил. Вся ванная покрылась грязью, а слив засорился. Это та малая цена, которую они заплатили за истинное преображение, практически чудо. Отряхиваясь и чихая, обтирая бока о стены и двери, размахивая от радости пушистым мокрым хвостом, по квартире бегал совсем уже не черт, нет! Это был необычайной красоты пес с белой, как снег, шерстью и только ухом чернее угля. Он обежал всю квартиру, затем вернулся к креслу, на котором сидела Светлана, и лег рядом.

- Смотри-ка, белый! Кто бы мог подумать, таким чумазым он был, - в изумлении повторяла мама.

- Белый, но не совсем. Ухо-то черное, ты видишь это? Или мы помыли плохо ?

- Нет, оно действительно черное. Ты уже придумала для него имя ?

- На вид он взрослый, года четыре, думаю. Наверняка, у него было имя. Его звали Бимом, разве можно было назвать иначе? Это ведь Бим! Самый что ни на есть Белый бим черное ухо.

Но они ошибались. Пес не отзывался на это имя, как и на любое другое, которое приходило им в голову. Раз подходящего имени найти не удалось, было решено оставить Бима. С того дня у Светланы появился вечный белоснежный спутник с ухом чернее ночи.

- Ой, да это же Бим! - улыбались прохожие во время прогулок. - Прямо как в книге! Признайтесь, вы специально ему ухо покрасили ?

- Нет, с таким родился, - смущенно отвечала Светлана.

- Чудо-то какое! А можно погладить ?

- Он не очень общительный, но не укусит, гладьте, пожалуйста.

Пес привык к новому месту быстро, как и к новому имени. Казалось, для него ничего не имеет значения, если Света где-то поблизости. Бим совершенно не умел играть в игры. Он не приносил палку, не бегал за мячиком, не дергал зубами за поводок. Он не бегал по квартире, не грыз мебель, не лаял, услышав посторонний шум. Он не знал, как радоваться снегу, но искренне радовался, когда хозяева приходили домой. Он был чудным стариком, и день за днем завоевывал любовь всех членов семьи. Света очень привязалась к собаке. Вечерами, когда мама уже ложилась спать, девушка укладывала Бима рядом с собой на кровать, обнимала его и так засыпала, но каждое утро просыпалась одна. Пес страх как не любил лежать на кровати, возможно, его наказывали за такое поведение в прошлом. Каждый вечер для него был пыткой, но он ждал, когда Светлана уснет, и только тогда аккуратно выбирался из ее объятий и спускался под кровать. Через несколько месяцев Бима знал весь район. Увидев однажды этого пса, никто не мог его позабыть, а те, кто видел впервые, с легкостью угадывали его имя. Даже брат постепенно оттаял и принял собаку.

“Ты страдался в прошлом, дружок, но, наконец, тебе повезло. Ты долго скитался, ты долго искал. Ты выбрал меня, и я спасла тебя. Мы будем счастливы, вот увидишь, мы будем!” - шептала девушка Биму на ухо... на черное, словно смоль, гладкое ухо.

Так шел год за годом и еще один год.

[На этом я могла бы закончить, дополнив слегка, что жили они долго и счастливо. И мы успокоились бы, услышав историю о собаке, которая за годы несчастной жизни обрела семью и надежду на светлое будущее: на любовь, на

ласку, на полную миску. Мы утвердились бы во мнении о том, что справедливость не просто громкое слово, о том, что за черной полосой неизменно следует белая, если только черная полоса не последняя...]

В дом пришла болезнь. Она подкралась незаметно неслышно из-за угла. В пору, когда люди счастливы: подходит к концу старый год, и приближается новый. Когда квартиры, улицы и целые города украшены сотнями фонариков. Повсюду предпраздничная суета, люди дарят подарки, накрывают на стол. Каждый загадывает желание под бой курантов, жмурит глаза и так громко думает о нем, чтобы вселенная услышала именно это желание, самое важное, самое необходимое желание.

“Пусть он живет, Господи, пусть только он живет” - твердила Света ночь за ночью, сжимая собаку в объятиях.

Дни тянулись один за другим. Каждое утро перед работой и вечер после Светлана отвозила Бима в клинику на укол. Врачи не давали утешительных прогнозов, но не отказались попытаться помочь. Мужественно, иначе этого не назвать, Бим переносил уколы, лекарства, процедуры, постоянные обследования. Он безоговорочно доверял девушке и был готов к любым испытаниям, если она считала, что так нужно. Проходили месяцы, лечение не помогало. Бим медленно и болезненно умирал.

- Мы должны помочь ему, - опустив глаза в пол почти шепотом произнесла мама.

- Я не могу ... не могу решить, - не сдерживая рыданий с трудом проговорила девушка.

- Мы избавим его от боли, так будет лучше, ты мне веришь ?

- ... Да ...

Осенним пасмурным вечером она собиралась в парк. Аккуратно собрала волосы в пучок, подвела брови, немного глаза, губы не трогала. Надела синие джинсы, которые носила с шестнадцати лет, байку брата, кроссовки на высокой подошве. Аккуратно подняла сумку, открыла входную дверь, чтобы выйти, вернулась, медленно подошла к шкафу, сняла поводок с крючка, зажала его в кулак:

- Вот теперь можно идти.

Я похоронила его в центральном парке, там, где мы повстречались, где я обрела друга, а он надежду. Я похоронила его ночью, перепачковшись грязью, а он так и остался белым с одним только ухом чернее угля. На прощание я положила руку ему на грудь: “Прости...я не сумела тебя спасти”. Возвращаясь домой, не видя дороги, не замечая огней, я споткнулась о камень. Только это оказался вовсе не камень. Свернувшись клубочком посреди тротуара лежал щенок. Он пискнул от боли, а, может, неожиданности, кряхтя поднялся на пухлые ножки, неуклюже отряхнулся, с трудом поднял тяжелый влажный нос, и заглянул мне в глаза...

- Ну здравствуй, дружок!

Дурачок

Мама говорит, я дурачок, а я совсем нет, я не он. Я, может быть, забываюсь часто, понимаешь, путаюсь временами, но зачем же я дурачок. Я ведь помню, что она моя мама, а я ее сын. Я ведь знаю, что живу в доме, а дом стоит на улице, а улица в городе. Я многое знаю, но, больше, будто, забыл. Оставшись наедине с собой, я часто пытаюсь вспомнить события, может, людей. Оставшись один, я напрягаюсь и тужусь, но ничего не выходит, и думаю я, что и не нужно это мне вовсе. Зачем мне те люди, с которыми я говорил, места, где я, может быть, был или не был. Ведь я помню, что она моя мама, а я ее сын, только это и важно.

Сестра говорит, я идиот, а я не такой, не он я. Я, может быть, думаю больно, понимаешь, и все больше говорю с трудом, но почему же я идиот. Я размышляю летом о птицах и небе: отчего не летит птица к солнцу? Я стесал коленки, пытаюсь словить хоть одну и спросить, и словил, и спросил, а она не ответила, но подумала ведь наверняка! Непременно подумала, но сказать не сказала, так разве она идиот?

Иной раз покажется мне, что я все на свете понимаю. И так четко, так ясно мне видится, в красках и с музыкой будто. Хочу поделиться с тобой, стану напевать неумело и руками размахивать, а ты отвернешься, но про себя обязательно скажешь: “Дурачок!”. И жалко тебе станет меня, а жалеть ведь не нужно, совсем уж не то. Ты дослушай чуть-чуть, понимаешь? И тогда превратятся несмелые звуки в прелюдию Баха, а по глади воздушной пронесутся шедевры Моне, а, быть может, Дали. Все это вижу я, и увидел бы ты, если бы слушал, а, может... если бы не был идиотом я.

Наперегонки с ветром

...скорость овладевает мной, здравого смысла не существует более, жму на ручку газа всё сильнее, почти перестаю видеть дорогу, в ушах свистит, переключая передачу и жму снова, но это не всё. В этот момент, когда переднее колесо практически не касается земли, самое время отпустить руль, медленно, скользя пальцами по баку, распустить крылья и довериться случаю, судьбе, удаче, как угодно, лишь бы не владеть ничем в это мгновение. Ни о чём не жалею и готова ко всему, не хватает лишь музыки. Такой, что заставляет идти в бой, вставать, когда уже не можешь идти, той самой музыки мне не хватает сейчас, и всё было бы нипочём. Но её нет, коленки предательски трясутся, сердце вот-вот выпрыгнет, главное сейчас – не останавливаться! Выжать из этого момента весь страх и восторг, всё мужество и глупость, возможно, успеть подумать о главном, возможно, понять, что такое это самое главное. Ведь знаю наверняка, остановись я сейчас, и никогда больше не повторю я такого безумства, безрассудства, глупости такой. Ветер в моей голове, выбоина, полёт...

О чём-то я думала, да, точно знаю, о чём – о маме думала я. «Вот дура!» – скажет она. «Нет, ну какая же дура!» – повторит. Да, она будет зла, это уж несомненно.

«Я потратила на нее лучшие годы своей жизни, я дала ей образование, развивала все её таланты ради этого? Самостоятельной она быть хотела, решения принимать... Куда привели её эти самые самостоятельные решения? В 14 лет она решила худеть. Перестала налегать на мучное и сладкое. Здорово, казалось бы. Далее оказалось, что крупы содержат много калорий, за крупами овощи, за овощами фрукты... Дошло до того, что она стала питаться половиной яблока в день, а после и половиной апельсина. Самостоятельная девушка наша не хотела никого слушать, устраивала истерики, сбегала из дома и даже дралась, только бы её не накормили случайно. Однажды в разговоре я заметила, что у нее неестественно темный язык, попросила показать, он оказался тёмно-коричневого цвета. В ужасе я схватила девочку за шиворот и силой приволокла к врачу. Мы успели вовремя, но вред здоровью был уже нанесен. Только и делала, что работала на лекарства», – скажет она. Если задуматься, у меня всё было под контролем, страшного ничего ведь не произошло, но каждый раз при случае припоминает она все болячки мои.

«Спортсменку из неё сделать хотела, ведь все данные были, желание было, я видела! На художественную гимнастику с пяти лет отдала, чтобы с детства приучить к труду и ответственности. Всё было, и слезы, и крики, так заниматься не хотела. А как иначе, все подружки во дворе в дочки-матери играют, а она дома вынуждена сидеть, растягиваться и элементы день и ночь повторять. Разве же я в это время отдохнуть могла, ведь с ней тут же и сидела...

Раз, два, три, раз, два, три, носок тяни, спинку ровнее, в музыку не попадаешь... Теперь она говорит, что строгая мать была, что ребёнка силой заниматься заставляла. Может, оно и так, может, мать и тиран... Но, когда она выходила на маты – спокойная, красивая, совсем ещё ребёнок, но такая взрослая. Когда она исполняла программу от начала и до конца, что бы ни происходило вокруг, не останавливаясь, не спотыкаясь. Когда она ставила точку, разворачивалась и шла ко мне навстречу, недовольная своим выходом. Когда глаза были полны слёз, но изо всех сил держалась, пока её ещё хоть кто-нибудь мог видеть. Когда после всего объявляли победителей, она выходила, и глаза её сияли ярче звезд. Она была счастлива, и я за неё! Ради этого согласна быть тираном. И вдруг она самостоятельной стала. Готовились к очередному соревнованию, одному из самых важных в ее жизни. Друзья позвали на каток, согласилась, не всё же дома сидеть. Просила же, будь осторожна, постарайся не падать, это может быть опасно. Да где там... Надела коньки и полетела наперегонки с ветром. Позвонили уже из больницы, мол, приезжайте, пожалуйста, за своей дочерью, она руку сломала. Плакали наши соревнования, а вместе с ними все мои старания и надежды...» – вспомнит она. Как же я обижалась тогда, уверена была, что хуже детства и быть не может. Вечные крики, ежедневные тренировки, и так тяжело, невыносимо мне было. А потом ещё рука эта... Ну ведь случайность! Упала на льду, как все падают, просто хрустнуло что-то. Так ведь и спортсменки из меня не получилось, чего уж теперь вспоминать.

«Доброте, состраданию учила... на свою голову. Всех на свете теперь жалеет! Однажды возвращаюсь с работы домой, встречает меня, сумки из рук выхватила, всё бегаёт вокруг, хлопочет. Я же мать, сразу почувствовала неладное. Вижу ведь, глаза бегают, уже натворила что-то, мысленно подготовилась ко всему... Спрашиваю, что случилось. Молчит, глаза опустила, а из комнаты, посапывая, выползает щенок. На улице у каких-то алкашей, говорит, забрала. Так не просто выпросила, а прямо силой выхватила и удрала со щенком домой! Спасла, называется, от неминуемой гибели. Я вне себя была, кто теперь за ним следить будет, выводить, кормить? Самостоятельная, говорит, сама и будет. Прошло две недели, возвращаюсь домой, на меня из комнаты выглядывают два предательских карих глаза... Кота притащила! Говорит, в школу выходила, а он в подъезде один-одинешенек сидит, решила спасти. И всё бы ничего, но самостоятельности хватило на месяц-другой, а дальше кто за всем этим зоопарком ухаживал? Правильно, мать-тиран. Доброте, состраданию-то научила, а вот ответственности, похоже, нет. Эгоистка! Дура и эгоистка...» – подумает она. Я ведь не со зла или из вредности всё это... Каждый раз из самых лучших побуждений и с самыми искренними намерениями всё это делаю! Но память плохая, забываю через время всё то, о чём обещала. И сейчас что-то забыла, но нет больше времени, чтобы вспомнить.

Мгновение проходит. Думаю о маме, не хотелось бы её расстраивать, ведь она во всём права. Ну, может, ей и стоило разрешать мне приходить домой после 11-ти, но в остальном права. Ни о чём не жалею и готова ко всему, не хватает лишь музыки.

«Раздался телефонный звонок. Кто может звонить на домашний, ведь все давно пользуются только мобильными телефонами. Поднимаю, кто-то разбилась, разбилась. Падает трубка, в беспамятстве выбегаю из квартиры, ловлю такси, кричу: «Вот дура! Нет, ну какая же дура! Если только она жива, я придушу ее собственными руками! Если только жива...»

...скорость овладевает мной, ветер в голове, и кажется мне, что всё возможно, стоит только выжать ручку газа на максимум, и думаю я, что эта жизнь только моя, могу переключить передачу и крутануть ещё. Не ради протеста или от глупости, а лишь ради свободы отпустить руль, медленно, скользя пальцами по баку, распустить крылья и довериться случаю, судьбе, удаче, в конце концов. «Но разве жизнь моя принадлежит мне?» – подумаю я... Опущу руки на руль, сбавлю скорость, даже и совсем остановлюсь. Сниму шлем, вдохну чистый весенний воздух, улыбнусь и позвоню маме:

– Чего на домашний звонишь?

– Разбилась.

– Где разбилась, как разбилась?!

– Ваза твоя любимая лет 15 назад разбилась, помнишь? Так вот это я была...

– Вот дура! Нет, ну какая же дура

Преступление

Мы жили в деревне. Там было всегда тепло, всегда светло. Мы были счастливы, и сейчас я хочу рассказать историю нашего счастья.

Меня зовут Катей. Меня так назвала бабушка. Мне никогда не нравилось это имя, но я об этом никому не говорила, не хотела обидеть бабушку. В моем воображении меня звали Камелией.

Моя мама очень хотела мальчика. Она мне постоянно говорила об этом. Когда мама узнала, что беременна, то была очень счастлива, но ещё более счастливой она бы стала, если бы родился мальчик. Я подвела маму. С этим живу и по сей день.

Меня зовут Катей. Меня так назвала бабушка. Обычно имена детям придумывают их родители. Моя мама хотела мальчика. Она была немного разочарована, когда родилась я. Долгое время не могла смириться с этой мыслью. Выбранное для меня имя решила не менять. Два дня моей жизни меня звали Михаилом, Мишелем.

Теперь меня зовут Катей. Меня так назвала бабушка. Мне никогда не нравилось это имя, но я благодарна бабушке за то, что я Катя. За то, что не Михаил. Хотя и очень обидно, что с мамой так вышло.

В первые годы своей жизни я была золотым ребенком, так мне рассказывали. Что случилось потом – загадка. Но из прекрасного лебедя я превратилась в гадкого утенка. Очень собой похожего на мальчишку, но с девичьим сердцем. Кто видел меня впервые, не догадывался, что я девочка. Из всех своих маленьких сил я старалась исправить ошибку природы и как-то порадовать маму. К моему великому удивлению, её это совсем не радовало. Почти каждый день моего существования мне влетало и прилетало, прилетало и влетало. Короче говоря, детство у меня было веселое.

В пять лет я поняла, что не справляюсь с ролью мальчишки. Пошла на крайние меры. Я понимала, что без брата моя мама не сможет быть до конца счастливой. Оставалось только раздобыть его. У нас в деревне было полным-полно мальчишек. Но я никогда не была глупой, понимала, что мне с ним жить. Поэтому каждый мальчик проходил жестокий отбор. Лопухих я не брала в расчёт. Что это за брат – с большими ушами? Я уже тогда знала, что большие уши, большие глаза и большие зубы не сулят ничего хорошего.

И вдруг, в один чудесный солнечный день, я встретила его. Ему было три года, его звали Мишей. У него были тёмные курчавые волосы и зелёные глаза. Всё, как я хотела, да ещё и имя подходящее, как мама задумывала.

Мне было жутко страшно. Легкое ли дело, подойти к незнакомому мальчишке и предложить ему стать моим братом? Вот и я тогда понимала, что это тяжело и очень страшно.

И всё-таки я собралась с силами и детскими мыслями, подошла к нему в песочницу. У нас была замечательная песочница, в ней одновременно могли играть пять или шесть детей. И я воспользовалась этой возможностью, чтобы остаться неузнанной.

К моему великому удивлению, Мишу по прозвищу «Бывалый» не пришлось долго уговаривать. Стоило мне достать из кармана леденец «петушок», как он ответил мне согласием.

Мы вместе пошли ко мне домой знакомиться с мамой и бабушкой. Не могу выразить, что чувствовала я в тот волнующий момент. Моё маленькое девичье сердце вырывалось наружу: что же скажет мама, как отреагирует? Я очень хотела новую куклу. Мечтала, что когда я приведу маме братика, она обязательно должна мне её подарить. Как же иначе? Нет. Точно подарит. Я уже была беспредельно счастлива.

И вот я держу нового братика за руку, стучусь в дверь (я тогда ещё не доставала до дверной ручки и не могла отворить дверь самостоятельно). Дверь открыла бабушка. Улыбнулась. Проводила нас в комнату и оставила. Я поняла, что благословение бабушки у меня в кармане, теперь оставалось найти маму.

Через некоторое время дверь в нашу комнату отворилась и вошла мама. Все мои тринадцать зубов показались белому свету. Я не могла сдерживать улыбки и восторга. Какая я молодец! Теперь мной можно гордиться! Теперь мама не будет жалеть, что получилась Катя, а не Михаил. Теперь всё станет просто замечательно. Но что-то странное отразилось в маминых глазах, когда я рассказала ей, кого привела домой навсегда. Сначала я подумала, что это радость, но после того, как она сняла ремень со спинки стула, я поняла, что мальчик ей не очень понравился. Надо было лопухого брать. Лопухие всем нравятся. Как же я так...

Мама простила меня не сразу... С момента моего преступления прошло дней шесть или больше. Я тогда ещё не очень хорошо могла сосчитать. Мне было очень плохо, повезло, что у меня была бабушка. Она сказала, что мальчик был неплохим, сказала, что ей он очень даже понравился. Почему же мама этого не увидела? ...

Так я потеряла последнюю надежду загладить свою вину перед мамой. И почему я родилась девчонкой? Зачем? В пять лет я перестала понимать что-либо в этом мире. Мой первый удар... Но какой же он был сильный, какой же несправедливый он был, взрослый...

Всю мою жизнь я помню этот случай. За сорок восемь лет мама так и не смогла простить мне ошибку природы. Я стала взрослой, у меня уже свои дети. Я люблю их всех: двух девочек и одного мальчика. Я надеялась, что мой собственный сын, принесет ей счастье. Но, как и много лет назад, я совершила преступление. Только в этот раз – перед собой. Сорок восемь лет я сражалась с ветряной мельницей, стараясь изо всех сил добиться любви самого близкого

мне человека. И только сейчас, когда у меня появились свои дети, я поняла, что невозможно не любить их одинаково сильно, если ты любишь, если способен на это.

Некоторые люди неспособны на любовь. Их нельзя осуждать, но и сражаться с ними бесполезно. Поверьте! Я знаю...

Доброе дело

Когда-то знал я жизни суть
и эту мысль хранил глубоко,
боялся лишний раз вздохнуть,
но был обманут ей жестоко.
Всё оказалось ложью дикой,
она лишь ложь, а я разбитый...

– Деда, а ты добрые дела делал?

– Злых, подлых не делал, а доброе-то как, что ни дело – всё добро. Зачем спрашиваешь?

– А я вот – нет, деда...

– Да как же? Я тебя утром просил яблоню из ведра полить?

– Просил.

– Полил?

– Полил.

– Чем не добро? Она все силы свои в жаркие дни растеряла, а ты ей жизнь, почитай, и спас. Самое что ни на есть добро.

– Не, деда, это всё не то. Нужно серьёзное дело какое-то совершить, понимаешь?

– Добрее, значит?

– Ну, так.

– Прости, сынок, видать, не делал я добрых дел... Вон оно как вышло.

– Ты не грусти, мы сейчас придумаем что-нибудь, сделаем по-настоящему доброе дело, деда, по-настоящему доброе.

– Славно это.

Я побежал выдумывать то самое доброе дело, а дед остался сидеть на скамейке, вспоминая всю жизнь свою поминутно, думая и соображая, как же так вышло, что за седые годы свои и жил-то неправильно, всё как-то недостаточно, и настоящего не знал ничего.

И вспоминал собаку свою, Лужку, которую в лесу щенком ещё нашёл. То раннее утро было, дед в лес за грибами отправился. Уж и в самую чашу зашёл, тишина, только ветер верхушки деревьев тихонько колышет, смахивает с веток капли росы, они летят бесшумно, неспешно, и разбиваются также. Дед ступал

осторожно, мягко, дабы не нарушить покой этой такой другой жизни. Но вдруг раздался писк, казалось, мышь какая или птенец. Дед пошёл посмотреть, что там копошится, раздвинул кусты и увидел щенка. Маленького, только мягким пухом покрывшегося щеночка. Не стоило и гадать, как попал он в самую чашу леса... Видать, не угодил хозяину, что беспородным уродился, вот и отвезли его да поглубже в лесу оставили. Тут дело простое, либо с голоду помрёт, либо зверь дикий ночью раздерет. Нагнулся дед, поднял дрожащего щенка с земли, положил в карман, да домой направился отогреть и отпаивать нового друга своего. А друг тот подругой оказался, Лужкой назвали. Четырнадцать лет с дедом бок о бок прожили, куда он, туда она. А под старость умирать в лес ушла. Тихо подошла, последний раз руку деду лизнула, в глаза посмотрела и ушла. Вот ведь животиная, даже смертью своей деда огорчить не хотела. Думал, за добро его таким преданным другом была, оказалось, не настоящее то добро было.

И вспомнил соседа своего Петруся. Тому уж сто годов было, уж и палки в руках удержать не мог, а всё гордый, помощи ни в чём не принимал. Детей не было, жена лет пятнадцать как Богу душу отдала. Петрусь мужик работающий был, но без Аглаи – и бульон не знал, как сварить. Сто домов поставить мог, а как каша из крупы перетворяется, понятия никакого не имел. Угас Петрусь, похудел, осунулся, из-за морщин глаз не видать. Ходил дед к нему, много дней ходил, все помощь какую предлагал, тот всё отказывался, а в последний-то раз и вообще ведром запустил. Решил тогда дед ночами ему еду под порог ставить. То картошки мешок, то молока бидон, то хлеба с мёдом оставит. Петрусь, может, и догадывался, может, и недоволен был, но виду не подавал и еду не выбрасывал. Через несколько лет халупа его почти что развалилась, приехали люди из совета и увезли Петруся в город, говорят, в дом какой-то, где стариков одиноких содержат. Петрусь на вторую же ночь умудрился оттуда бежать, но, выйдя за забор, остановился. Так его и схватили. Говорят, он умер там же, через неделю-две. Дед сокрушался тогда, как не догадался он с домом помочь. Видно, вот оно было бы, доброе дело.

Или взять хотя бы бабку нашу Марфу. Всё у неё по жизни ладно выходило, и по хозяйству, и в делах семейных. Одна беда была, никак с растениями домашними у неё не получалось. Она и поливала, и подкармливала, но все неизбежно погибали. Казалось бы, пустяк, мелочь такая, а бабка в печали ходила. Дед раздобыл где-то росток алой розы, посадил его в горшок, да на подоконник выставил. Бабка ходила вокруг него несколько дней, потом не выдержала. Поливала аккуратно, исправно, как подруги советовали, вот только не догадывалась она, что дед каждую неделю новую розу в горшок сажает. Уж и не знаю, сколько у него саженцев было, и где он за ними ухаживал, но бабка счастливая ходила и всё перед подругами розой хвалилась.

Сидел на скамейке дед, всю жизнь свою по камушкам перебирал. Неправильно он жил, как-то недостаточно, и настоящего не знал ничего. Но вот

с горки бежит малыш, весело так бежит, подпрыгивает, видать, дело-то выдумал истинное, доброе. Славно это, подумал дед и уснул. Уснул с одной единственной мыслью – он-то знает, у него-то получится, славно это, славно...

Пластилин, монолог

От рождения мы – куски пластилина. Их раздают без системы, без предрассудков нашим матерям. Кому-то попадает в руки грубый кусок чёрного, кому-то – мягкий и приятный на ощупь кусочек солнечно-жёлтого пластилина. Кому-то повезло, а кому-то не очень. Что же делать?

Можно выкинуть твёрдый кусок пластилина в окно, можно оставить всё, как есть, и больше никогда не притрагиваться к тому, что неприятно. Можно попробовать размять его в руках, попытаться сделать из него что-то мягкое и податливое. Можно попытаться подуть на него теплым воздухом, слепить нечто прекрасное. Можно придать ему иной оттенок чёрного, чёрного благородного, теплого черного.

От рождения мы – куски пластилина. Их раздают без системы, без предрассудков нашим отцам. Кому-то попадает в руки грубый кусок чёрного, кому-то мягкий и приятный на ощупь кусочек жёлтого цвета. Отцы решают, лепить ли солнце или тучу. Мать ли его грубой мужской силой или мягким отцовским прикосновением. Оставить ли его наедине со своим чёрным цветом или перекрасить в яркий жёлтый. Что же делать?

Каждый сам для себя решает, что сделать с куском доставшегося ему пластилина. Каждый сам решает, будет ли он любоваться тонкой фигурой, или взирать на уродливый комок.

Ирина Артамонова

ЧЕЛОВЕК. Размышления дилетанта

Человек – очень сложная, большая энергетическая система. Только одна из её подсистем является материальной. Очевидно, эту подсистему, с некоторыми оговорками, используя общепринятую, на данном этапе нашего развития, терминологию, можно назвать биологической. Остальные подсистемы системы «Человек» – идеальные. Мы ещё не достаточно хорошо изучили биологическую подсистему, а о других подсистемах имеем очень смутное представление.

Многие, в том числе и учёные, просто отрицают такой, системный взгляд на Человека. Они утверждают, что наше мышление является продуктом деятельности головного мозга и отрицают реальность существования того, что мы называем Душой и, тем более, Духом... Совершенно не ясно тогда, что есть наше сознание, наша психическая деятельность?..

Система «Человек» – открытая система. Она подвержена влиянию внешней среды, но, в то же время, обособленна и целостна. Существует тесная информационная связь между подсистемами, они функционируют гармонично, в тесной взаимосвязи, взаимопроникают друг в друга. Сбой в одной из подсистем, ведёт к нарушению гармонии в других подсистемах. Отсутствие одной из подсистем, выход её из строя, ведёт к гибели (разрушению) всей системы...

О БОРЬБЕ. Размышления дилетанта

Единство и борьба противоположностей – первый закон диалектики... Да! Каждая сущность в этом мире имеет свою противоположность. Но разве все они борются друг с другом?

Мне кажется, что противоположности в первую очередь, сосуществуют вместе – они реальны, они есть и существуют в одном измерении в едином мире. Противоположности взаимодействуют друг с другом. .. Но по-разному... Несомненно – борьба является одной из форм взаимодействия. Она предполагает наличие противника... Или, даже, врага! Борьба и война, почти, синонимы...

Но есть и иные формы взаимодействия: Это: соперничество, соревнование, сотрудничество и, даже, дружба и любовь! Такое взаимодействие предполагает наличие соперника, соратника и так далее... Соперник – не враг. Соратник, порой, друг и помощник, единомышленник... И

по сути дела, с болезнями люди не борются, а их лечат; спортсмены не борются, не воюют друг с другом, а соревнуются и т.д.

Так почему же так упорно в умы человеческие насаждается мысль о неизбежности борьбы противоположностей? «Всё есть борьба и жизнь – борьба»? Кому это надо и кому это выгодно? Не тем ли, кто жаждет управлять и безраздельно властвовать в этом мире?

Древнейший метод управления – «разделяй и властвуй!» Дайте образ врага человеку, настроенному на борьбу, и он будет бороться, всё равно, с кем и зачем... Надо только время от времени обновлять образ врага...

Человек, настроенный на сотрудничество, ищет соратников – с ним не так-то просто справиться...

О честности

Обманывать себя порою так приятно. Обманывать себя и просто и легко. Оправдывать себя, конечно же, занято, но это нас нередко заводит далеко!

Быть честным пред собой труднее, чем с другими. Других в несовершенстве обвинять не конструктивно. Истины простые, но очень, очень трудно их принять...

И я прошу Отца: «Дай мужества быть честной всегда с самой собою. До конца!»

Песчинка

Я песчинка, малая песчинка в огромной Вселенной. Но, я песчинка, которой Творец даровал разум и право выбора. В каждый конкретный момент, в каждой точке Бытия впереди у каждого человека-песчинки огромное, ветвистое дерево возможностей-выборов. Каждый миг человек вынужден (хочет он того или нет) делать, и делает, свой выбор, осознанно или неосознанно. Вся проблема в том, что невозможно вернуться назад, обнаружив, что сделан не лучший выбор. В жизни нет черновиков. Всё делается сразу набело. А череда выборов образует жизненный путь...

Если я сама сделала выбор, то кто же виноват, если мой выбор оказался неудачным? Каждый имеет право на ошибку, и я тоже. Но почему неудачный выбор называют ошибкой? Ведь это просто урок – в следующий раз выбери другое, не поступай так же, и, вообще, будь внимательней, делая свой выбор!

Шагаю вперёд

Разменяла девятый десяток... Что ж, прекрасно! Шагаю вперёд. Не играю я с возрастом в прятки, благодарна за каждый год я Творцу...

Унывать не желаю. Линзы тёмные не примеряю. Я, что должно мне, делать стараюсь. И на волю Творца полагаюсь.

Мне бы хотелось

Безветренно. В высоком бледном небе ни облачка. После дождей-ветрил такая тишина, спокойствие... И мне бы хотелось, что бы было так везде. Что бы люди жили в дружбе и согласье, не рвались бомбы – только мир и счастье для всех и каждого на всей ЗЕМЛЕ!

Такие мысли лес диктует мне

Ещё шесть дней – и Новый Год придёт. Мне кажется, он в дверь уже стучится. Дары, какие он нам принесёт?

Так хочется надеяться – разумней, добрее станет наш земной народ... И пагубные страсти поутихнут, и реки крови перестанут течь, и люди понемножечку привыкнут Чужую Жизнь и Землю-Мать беречь...

Так хочется надеяться и верить... Ну, сколько можно всё на деньги мерить? Есть ценности другие на Земле: Любовь и Мир, Гармония с Природой, жизнь в Дружбе-Братстве всех земных народов...

Такие мысли лес диктует мне...

О, Господи!

О, Господи! Ну, что творится в Мире! Египет, Сирия и Сомали, и Украина... Люди дорогие, везде война! Наш Отче, помоги! Наживы ради, и в стремление к власти бомбят, взрывают, травят, нагло лгут! В нечеловеческой к насилью страсти на преступления идут...

Останови, Творец всесильный, разбой всемирный и насилье!

Сей доброе

И снова иду я тропею лесною... Беседует лес, как обычно, со мною о сущем и должном, насущном и важном... Я слушаю мудрость лесную отважно...

Как много дорог в нашей жизни земной... Но надо всегда оставаться собой и с миром и радость, и беды встречать, на Бога, Судьбу никогда не роптать...

Пожнёшь, что посеешь – такой есть закон! Хотя веришь – не веришь, а действует он! Мы сами решаем, что сеять-сажать. И глупо кого-то потом упрекать...

Ты сей только доброе – свет и любовь. Споткнулся, упал – поднимись. Вновь и вновь шагая по жизни, ошибки прости себе и другим. Ведь на жизни пути бывают победы и беды порой... Но надо всегда оставаться собой, чтоб не было стыдно в конце за себя...

Доброе сей, бескорыстно любя нашу планету, Россию, людей – БОГА-ОТЦА неразумных детей.

О БОГЕ, О ВЕРЕ. Размышления дилетанта

Я не спорю и не веду дискуссий на религиозные темы, хоть считаю себя человеком не религиозным, но глубоко верующим. Бог один, а представлений о нём бесчисленное множество. По сути, каждый человек имеет своё представление о Боге, которое хоть чуть-чуть отличается от видения Его даже единоверцами. Что же тогда говорить о людях, исповедующих разные религии! Существует очень много религий на ЗЕМЛЕ – три мировые религии (Христианство, Ислам, Буддизм), а так же Иудаизм, Авраамические религии и другие. В каждой религии есть различные крупные и мелкие течения, которые порой, к сожалению, враждебны друг к другу. Я думаю, такое количество религиозных течений (Но не их вражда!) угодно Богу (Иначе бы этого не было!) на данном этапе духовного развития человечества.

Твёрдо знаю – Бог есть! Для меня Бог – это Великий Творец, Отец Небесный всего сущего, любящий свои творения Космический Разум, и процесс Его Творения бесконечен. В процессе Своего творчества Он формирует и формулирует законы развития ВСЕЛЕННОЙ, наиболее подходящие для каждого конкретного периода времени. Нарушение этих законов, какими либо объектами или субъектами, чревато катаклизмами или неприятностями, т.к. сие мешает общей гармонии. Это не наказание, а всего лишь реализация одного из основных и неизменных ЗАКОНОВ функционирования ВСЕЛЕННОЙ – закона «ПРИЧИНА – СЛЕДСТВИЕ». Поэтому, если что у тебя не так, пенять не на кого – как мыслишь, как действуешь, так и живёшь! Давно на Руси существует пословица: «Что посеешь – то и пожнёшь!». Ты сей доброе, живи по заповедям Творца и будь счастлив!

Куда идём?!

Взбунтовалась ПЛАНЕТА: пожары свирепствуют, наводнения, цунами, трясётся земля. То погода сезону вдруг не соответствует, то потоки воды размывают поля, разрушают жилища, дороги...

Наверное, надоело ПРИРОДЕ терпеть без конца поведение людей безобразное, вредное, нарушение законов, заветов Творца!

Наши войны, раздоры, жестокость к ПЛАНЕТЕ, неумная жадность и хищность... Доколь, словно нет ничего уж святого на свете, будем мы, причиняя страдания, боль, разрушать этот МИР – дом, в котором живём?!

И куда же мы с вами, родные, идём?..

Размышления о любви (27.07.19.)

Что такое любовь? Это жизни основа! Без любви всё теряет какой-либо смысл! Доброта без любви – это просто лишь слово, память сердца – всего лишь холодная мысль, верность – глупость, терпение – адская мука, совесть – ширма для слабых людей...

Ну а этика что? Без любви – не наука, только сборник сомнительных, спорных идей!

Без любви в фанатизм превращается вера, власть в насилие, хитрым становится ум...

Ведь любовь – это СУЩЕГО главная мера, Свет Творца, его чаяний, планов и дум...

Виктор Астанин

Записки гаишника

(продолжение)

Мы будем служить, ждёт порядка страна
Пусть слышен порой шепоток где-то сзади:
«Чего не служить? Служба прелесть одна:
На голом асфальте, но в шоколаде»

XVII

Работая в отделе дознания, законченные дела в отношении водителей, которых задержали в Клинском районе, я оставлял в прокуратуре Клина. А в Солнечногорске, дела от прокурора я лично относил в городской суд. В течении четырёх лет я их передавал секретарю председателя суда, Юрия Максимовича Слободкина, Татьяне Прусовой. Она тоже училась на юридическом факультете в Калининском университете, на курс ниже меня, и мы часто вместе на электричке ездили на сессии.

Юрий Максимович, худощавый, небольшого роста, был прекрасным юристом и человеком. Кроме судебной деятельности, он также принимал граждан в свободное от работы время, и любой человек мог получить квалифицированную правовую помощь, бесплатно, конечно. Я сам два раза обращался к нему, когда у меня возникли вопросы в ходе расследования уголовных дел.

Вдовин Володя работал электриком в военном городке «Выстрел», за квартиру. Оклад был небольшой, 95 рублей, но зато ему предоставили служебную двухкомнатную квартиру, и он, как и я, тоже из посёлка Матросова выехал. Он ещё подрабатывал на полставки. Прошло 9 лет, он окончил Московский институт, и у него появилась возможность работать в аэропорту «Шереметьево» по своей специальности: инженером по обслуживанию самолётов. Зплата там была - 140 рублей в месяц. Вдовин уволился с городка, хотя по договору надо было отработать 10 лет, чтобы квартира осталась за ним. «Остался год, авось, претензий не предъявят», - подумал Владимир. Однако, ему пришла повестка в суд. В «Шереметьево» его заверили, что суд он выиграет, у них работают хорошие адвокаты, но Володя решил подстраховаться, и записался на приём к Слободкину. Юрий Максимович Вдовину сказал:

- Начальник курсов «Выстрел», дважды Герой Советского Союза, Драгунский Давид Абрамович. Он государственный человек, а с государством судиться бесполезно.

Володька послушал его, и вернулся на свою прежнюю работу, а через год снова перешёл на аэродром.

Юрий Максимович ездил в Зеленоград на электричке, как простой гражданин. Он был народным депутатом России, и на съезде выступил против политики Ельцина. Вся страна наблюдала, как под смех «демократов» Слободкина выносили на руках из зала заседания, не дав ему до конца выступить. Даже ботинки слетели с его ног, когда несли. И Юрий Максимович попал в список лиц, на которых не распространялось действие Указа Президента Российской Федерации «О социальных гарантиях для народных депутатов».

Получив диплом об окончании Калининского государственного университета, Татьяна Прусова была избрана народной судьёй, а её подруга, Ивлева Лариса, тоже работая секретарём в суде, заняла её место. Так, в октябре, мы все трое получили новые должности, и решили это дело отметить. Правда, Лариса находилась в декретном отпуске, родив мальчика, но я отпросил её у мужа на два часа. Мы выпили коньяку, а Ларисе было достаточно двух рюмок, чтобы опьянеть. В разговоре я узнал, что она была племянницей моей одноклассницы, Жени Козиной.

На следующий день у мамы Жени, Зинаиды Яковлевны, был юбилей, и их семья собралась на торжество. Лариса объявила, что выпивать не будет.

- Что ты не можешь выпить за здоровье бабушки? – спросила Женя.

- Не могу. Я вчера пила коньяк, мне было плохо, - ответила Лариса.

- Что за повод? С кем пила?.

- Повода два: Татьяна Прусова стала судьёй, а Виктора Астанина назначили заместителем командира батальона ДПС, - рассказала Лариса.

- Астанин – заместитель командира батальона! – удивилась Женя.- Откуда ты его знаешь?

Её удивление понять было можно, если меня в 9 классе из школы попросили за неуспеваемость. С Женей, после лета 67 года я не встречался, хотя жили в одном городе.

Мне присвоили звание майора, и я вспомнил старшего офицера милиции, встретившегося мне на складах в Москве при получении обмундирования в начале службы, который подарил мне тогда погоны с двумя просветами с пожеланием: дослужиться до таких погон. Пожелание его сбылось. А ведь, я туда приехал с Хамоновым, который начал служить в Крюковском отделении милиции. Мог ли я подумать тогда, что наши пути пересекутся спустя 22 года таким непосредственным образом.

Я, Володя Комар и Сергей Пелёвин, на машине дознавателей, поехали на эти же склады получать обмундирование на следующий год. К нам присоединился Юрий Иванович Подъячев, ему надо было сдать дублёнку.

- Нет. Я понимаю, что мясо съели, но куда шкуры дели, - проезжая Химки, ни с того, ни с сего, проговорил Юрий Иванович, сидя на заднем сиденье. Рядом с ним сидевший Владимир спросил:

- Ты о чём, Юрий Иванович?

- Как о чём? В Калмыкии миллион голов овец. Я восемь лет шубу носил,

и

надо сдавать. Овчины не хватает? Куда деют?

- Шкуры в Испанию везут, там из них дублёнки шьют и нам поставляют, - откликнулся Сергей. Он был за рулём.

Москва за год изменилась: уже при въезде, на Химкинском мосту, нас встретила кричащая реклама на растяжках: сигареты «Росманс», «Мальборо», по обочинам мелькали щиты с рекламой автомобилей иностранного производства, и товаров других зарубежных компаний. Тверская улица пестрела вывесками на английском языке с каждого здания. Подъячев снова не выдержал:

- Скоро поедешь в Москву, с «Комсомольской» доедешь до «Охотного ряда», выйдешь из метро на улицу и начнёшь озираться по сторонам: «Где я»? А негр, полицейский, перетянет тебя дубинкой вдоль спины, и на ломанном русском языке спросит: «Чего надо, деревня»?

- Хорошо, если на русском,- заметил я.

Нам было не смешно. Москва наполнилась бродягами, попрошайками, мошенниками, они были всюду: возле метро, у вокзалов, в электричках. В подземных переходах, стояли женщины с шмотками, и с другим товаром на руках, с целью продать. Широкие улицы сузили торговыми палатками, дворы и тротуары были не прибраны. Столица померкла.

Двигаясь по узкой улочке к складам, мы попали в затор. Впереди нас стояла автомашина «Жигули» с одним водителем в салоне, обернувшись назад, он показал нам жестами, что впереди столкновение, ударяя сжатыми кулаками, как в ладоши. Проехав ещё метров 30, он снова повернулся к нам, и продемонстрировал тот же жест, и развёл руками, дескать, я не виноват, хотя и нам уже было видно впереди столкнувшиеся две машины. Через минуту, ещё проехав метров 50, водитель в третий раз показал нам тот же жест. Мало того, когда мы объезжали его машину, он в открытое боковое окно снова постучал кулаком об кулак. И Юрий Иванович не выдержал:

- Глухонемой *удак, всей Москве теперь будет показывать, что случилось ДТП.

По пути заехали на Ваганьковское кладбище к Высоцкому. При выходе, к нам обратился мужчина средних лет:

- Не подскажите: как попасть на Ново-Девичье кладбище?

- Подскажем, - садясь в автомашину, откликнулся Подъячев.

- Как? — мужчина повернулся на голос.

- Надо стать великим человеком.

Прохожий оторопел, и я поспешил вмешаться:

- Вы извините, он шутит. Ново-девичий монастырь находится у метро «Фрунзенской», или можно сойти на «Спортивной», а там спросите.

Юрий Иванович перед уходом в отставку стал подменять дежурных. Утром, приехав в батальон, я зашёл к нему в дежурную часть. Он был занят разговором по телефону, и я стал ждать конца связи. За спиной у Подъячева работал телевизор, на котором демонстрировался один из популярных в то время сериалов: повторяли вечерний сеанс предыдущего дня. Когда он положил трубку, я его спросил:

- Юрий Иванович, ты тоже смотришь: «Богатые тоже плачут»?

Юрий Иванович, оглянувшись на телевизор, изрёк:

- Ведь, специально сериалы крутят в самое занятое время, чтобы люди не работали. Засуха. Я на даче таскаю воду с колодца, а моя соседка со своего крыльца подначивает: «Юрий Иванович, смотрю: второй день воду носишь, а где же твои две толстые, - это она жену и дочь имела в виду, - небось, «Богатые тоже плачут» смотрят. Я не выдержал. Кричу ей в ответ: «Да, «Богатые тоже плачут» смотрят, а осенью у бедного хрен будут сосать». Она даже веник уронила, до сих пор со мной не разговаривает. Но, зло берёт. Нарочно в 19.00 показывают эту мыльную оперу.

Снова зазвонил телефон. Подъячев снял трубку с пульта управления:

- Дежурный по батальону, майор милиции Подъячев.

В тишине был слышен голос командира полка Мамота Вячеслава Васильевича, который попросил соединить его с Инютиным. Юрий Иванович ткнул пальцем в ряд квадратных клавиш на пульте.

- Комар слушает, - раздался весёлый голос.

- Комар, фигомар. Наделали кнопок, как в самолёте, хрен разберёшься, - заворчал Подъячев, стараясь рассмотреть надписи на пульте.

- Комар слушает, - повторил обеспокоенный Владимир Михайлович.

- Слушай, я буду молчать, трубку положи, - прокричал Юрий Иванович, и, наконец, соединил батальон с полком.

Я увидел в книге, куда записывалась информация дежурными, запись: «Встретить 7/8».

- Юр, ты чего написал? Кого встретить? – спросил я.

- Встретить в 19.40. Чего непонятного? – удивился Подъячев.

Это надо было прислать автомашину к заместителю командира полка
Снова звонок.

- Дежурный Подъячев слушает.

- Верещагин, из городского комитета партии, - по привычке, назвался он, - соедините с командиром.

- А какой партии? – полюбопытствовал Юрий Иванович.

- Коммунистической партии, - с раздражением в голосе подчеркнул бывший куратор нашей партийной организации от горкома КПСС.

- Кто его знает, мог ведь и в ЛДПР вступить, - зажав трубку рукой, сказал мне Юрий Иванович.

. Партий в России было организовано много, так что вопрос Подъячева, вроде, прозвучал резонно, но он, конечно, знал: кто такой Верещагин, вместе сидели на партсобраниях. И Верещагин знал, что он знает.

Пригласил Володя Комар меня с Юрием Ивановичем к себе в гости.

- У меня утром жена уйдёт на работу и девчонок не будет,

- предложил он,

- у меня самогон есть. Давайте, часов в десять соберёмся.

- А сало есть, - спросил Подъячев.

- Есть, правда, оно с прошлого года.

- Ты чего? Оно ещё лучше, просолилось, - заверил Юрий Иванович.

Подъячев во всём любил точность, и не мог терпеть опозданий. В этом я с ним солидарен, и на следующий день, мы в одно время подошли к подъезду дома Комара на улице Баранова. Нас громким лаем встретила болонка, и Владимир провёл нас на кухню. Посидели, пообщались. Собачка принимала стойку, периодически вылезая из-под стола с просящими глазами. Юрий Иванович животных любил, и опускал вниз руку с лакомыми кусочками.

На следующий день, у меня в кабинете, Подъячев Алексею Абрамову рассказывает:

- Вчера пригласил меня с Астаниным в гости Володька Комар. Сало подсунил - жёлтое, собаке бросил - жрать не стала.

А сало она, в любом случае, не употребляла. И тут зашёл взъерошенный Володька, - лёгок на помине, - и с порога нам объявляет:

- Сейчас с командиром разругался вдрызг.

- По какому поводу? - спросил Абрамов.

- По освещению пешеходного перехода у совхоза «Солнечный».

За ним в кабинет вернулся Юдин, и мои товарищи ушли по своим рабочим местам.

- Ты где был? - спросил я Анатолия.

- У командира.

- А чего там Комар с ним разругался? - поинтересовался я.

- Какой, разругался? Молчал, как рыба об лёд. Евгений Иванович сказал ему доехать до директора совхоза, Шамне Эммануила Яковлевича, чтобы он договорился по свету, а Комар не съездил. Вот он его и оттянул.

Подъячев, если о чём-либо рассказывал, то это надо было слышать. Михаил Сергеевич Козлов мне рассказал, что в совхозе мужики, завершив работу на поле у деревни Вертлино, выпивали, и, увидев его, пригласили присоединиться к ним.

- Что пьёте, - поинтересовался Юрий Иванович.

- Спирт «Рояль», - сказали ему.

- Это – отравы, - заявил Подъячев.

- Шутим, Юрий Иванович, конечно, самогон.

- Самогон – другое дело. Я с дежурства, мне можно, - принимая наполненный стакан, сказал Подъячев. - Вчера, итальянец в России этого голландского спирта выпил, шведским сыром закусил и умер, - он допил содержимое, и продолжил, – а тут жагнешь стакан самогона, печень перевернётся, почки: ды, ды, ды, по рёбрам, - он пальцами показал, как почки бьют по рёбрам, - и хоть бы хны.

Действительно, у поста 49 км остановились два автобуса «Икарус», в котором ехали интуристы, итальянцы, на аэродром Шереметьево с места отдыха, находившийся на озере Селигер. В дороге одному из них, 16-ти летнему юноше стало плохо, отравился алкоголем. Но было поздно, он умер, не дождавшись скорой помощи. Юрий Иванович, находясь в дежурной части в Пешках, обрисовал ситуацию так, будто он сам находился в этом автобусе.

- Мальчишка умер, два автобуса пассажиров высыпали на проезжую часть. Девки все в ляжках, упали на колени, глаза на небо, ладони сложили домиком: «Аве, Мария».

- Миш, Юрий Иванович, в свою бытность заместителя командира, был ответственным по батальону, и ему позвонили из магазина в Ложках, что один наш инспектор в нетрезвом состоянии, в выходной день, учинил драку. Он был житель этой же деревни. Ему один из покупателей топором поранил голову, ничего страшного, несильно, кожу содрал, скорую помощь вызывать не стали. Его держали, но он порывался уйти. Подъячев туда выехал. На следующий день он мне рассказывает: «Захожу в магазин, он сидит весь в крови, полчерепа нет. В рану заглянул, а мозгов не видеть, да и откуда им взяться. На следующий день зашёл ко мне в кабинет, как дыхнул: рядом фикус стоял, видел? Так листья в трубочку завернулись». – Никакого фикуса, конечно, не было. Представляешь - воображение.

Конечно, Тане я иногда звонил. Она мне в июле рассказала, что у неё депрессия. Мало того, что муж унижал, с Хамоновым стали не такие отношения, как хотелось бы, да ещё с сестрой поругалась. После того, как Ольга тоже покрасила волосы в белый цвет, мужу Татьяны стали сообщать: видели твою там-то, там-то, а на самом деле, это была не она, а её сестра.

- Она меня постоянно подводит, - пожаловалась мне Таня.

Так, что я был в курсе её дел. Через месяц она сообщила мне:

- Ты знаешь, с Виталием я рассталась, но он позвонил, и всё вернулось на круги своя.

Не бережёт она мои чувства, не бережёт.

- Таня, интересно, для чего мы раскрыли друг другу душу? Для чего ты исповедовалась мне? Я верю, что ты искренне хотела со мной встретиться, но

позвонил он. Все твои слова: «клянусь», «прости» не стоят ничего. Для чего мне это всё? – сказал я ей в конце разговора.

«Не буду ей больше звонить», - решил я.

Вызвал меня к себе командир:

- Виктор Матвеевич, в Солнечногорский ОВД из городского суда поступило указание: доставить приводом жителя Москвы, который не явился в суд на судебное заседание. Ты вёл дело на водителя по повторному управлению машиной в нетрезвом состоянии. Так что, после вечернего развода бери

инспектора с машиной, и в отдел, там ответственный, Степанов Виталий Сергеевич, выделит тебе милиционера для сопровождения задержанного.

- Хорошо, Евгений Иванович. А я ведь водителя предупреждал.

В ночь работала смена, которую я ранее возглавлял, и Тихонов направил ко мне Николая Ивановича Богната со служебной машиной «ВАЗ-2103». Богнат спокойно воспринял распоряжение ехать в Москву, но встревожился, когда из дверей отдела внутренних дел вышел сотрудник в бронежилете и с автоматом на шее.

- Матвейч, мы кого едем задерживать?

- Преступника, кого же ещё. Его надо доставить в суд.

- А почему мы? Должна же выехать опергруппа.

- Николай Иванович, опергруппа на задании, и начальник милиции попросил нас помочь в этом деле. Я по должности обязан ехать, а ты самый опытный, награждён орденом «Красной звезды». К тому же, тебе скоро на пенсию. Справимся, Николай Иванович. Орден Богнат получил во время Олимпиады-80. Настроение у Николая Ивановича упало, он что-то проворчал себе под нос, но покорно выехал на Ленинградское шоссе в сторону Москвы. Его я оставил в неведении, вплоть до самого дома водителя. Проверку ветеран выдержал. Глядя на его напряжённое лицо, я сказал:

- Сидите в машине, я пойду один. Нечего пугать жителей в 22 часа.

После моих слов Николая Ивановича отпустило. Мой подопечный водитель, готовясь к утреннему рейсу, брлся в ванной комнате. Я выводил его из квартиры в ночь, пропуская вперёд к входной двери, мимо растерянной жены.

- Ничего страшного с ним не произойдёт, - сказал я ей, выходя вслед за её мужем, чувствуя себя при этом в чём-то виноватым.

По службе я оказался в районе Горьковского шоссе, и решил навестить Валерия Ярославцева. Когда ещё я на машине окажусь на этом направлении. В Старой Купавне он построил дом, а в московской квартире остались дети. По адресу дом я нашёл быстро, он находился рядом с порушенной церковью где-

то в центре. Это был двухэтажный особняк. Гость я был незваный, но хозяин с супругой оказались дома. Ярославцев показал мне своё жилище, и я заметил, что на стенах нет картин.

- Валер, я к тебе заехал, хотел посмотреть твои произведения, а не вижу ни одного.

- А дом я на что построил? – ответил он вопросом на вопрос.

Но одну репродукцию Валера мне показал, напечатанную в каталоге одной выставки, в которой он участвовал. Картина называлась: «Шахматный бой».

На ней была запечатлена переломленная под 20 градусов шахматная доска, на ней взрыв и летящие во все стороны фигуры: слоны, ладьи, кони.

Интересный сюжет.

В мастерской, на втором этаже, у окна, на треноге стоял мольберт, накрытый тканью. Перехватив мой взгляд, Валера сказал:

- Никак не начну новую работу. Бывает, по полгода кисти в руки не беру, а потом за неделю восполняю всё с лихвой.

За столом мы выпили бутылку привезённого мною вина, чисто символически, потому что от более крепкого напитка он отказался. Попили чаю, вспомнили школьные годы.

- Встречаешь кого в Солнечногорске из нашего 8-го «Д», - спросил Валерий.

- Мало кого: Белова, Новожилова, Машу Тишкову, Жиженкову видел. Девчонки замуж повыходили, разъехались. Наташу Василенко один раз видел, у неё сын растёт. Больше ничего не знаю. Цыганов в пассажирском автохозяйстве водителем работает. Не изменился. Володька Вдовин, - они оба женаты на сёстрах, - зовёт его: «чума». Николай Туманов, с Цыгановым вместе работал в ПАТП, рассказал мне такой случай:

«Пришёл я на работу с глубокого похмелья, ехать в рейс, но медосмотр не пройти. Хожу вокруг автобуса и думаю: какую бы найти на нём неисправность. В бокс Цыганов заходит, и я его спрашиваю: «Слав, чтобы такое сломать, чтобы не выезжать на маршрут». «Сейчас посмотрим», - отвечает он и подходит ко мне. Пока я рот разевал, глядя в моторный отсек автобуса, он взял меня за палец и резко его вывернул. Сломал. От боли я не успел даже «мама» сказать, а «цыган» отбежал на три метра и кричит мне: «Коль, езжай в больницу, бюллетень дадут».

Подъезжал я из Солнечногорска на службу с водителем совхоза «Савельево», Тенгизом, который был в приятельских отношениях с Иваном Захаровым и Анатолием Татарчуком, на «ГАЗ-53». Тенгиз приехал в Россию в 70-х годах, когда первым секретарём ЦК КПСС Грузинской ССР стал Шеварнадзе. По словам Теингза, он был вынужден уезжать с родины, чтобы избежать встречи с правоохранительными органами. Шеварнадзе в один день

распорядился запретить выезд всем автомашинам «такси» на линию, чтобы выявить использование машин в личных целях. Но на утро как обычно, в Тбилиси таксисты заполнили улицы города.

Как раз, в то время мне довелось подъезжать в Молжаниновку на попутной автомашине «ГАЗ-24» с тбилисскими номерными знаками, и принадлежала она водителю. Он меня спросил:

- Возят наши водители фрукты – овощи?

- Возят, - отвечаю.

- У нас в Грузии всё созревает рано, так перевозчики всё скупают и везут в Москву, на Урал, в Сибирь. Продаются там, в три дороже. Потом созревает урожай в России. Они здесь яблоки, вишню, сливы скупают, и в три дороже продают уже в Грузии, - поделился со мной собеседник. Видно было, что он знает: о чём говорит.

Коснулись распада СССР.

- Как тебе? Грузия вышла из состава СССР? – спросил я Тенгиза.

- Хорошо.

- Чего хорошего?

- А чего хорошего, когда демонстрантов разгоняли сапёрными лопатками. Даже беременная женщина пострадала.

- И ты веришь? Ты веришь, что беременную жену грузин отпустит на демонстрацию? У солдат был приказ: защищать Верховный Совет, а на них стали нападать. Стрелять нельзя. Чем им защищаться?

Мы подъехали.

- Грузия – цветущая страна. Народ станет свободным, заживёт, - остался при своём мнении Тенгиз.

- Ну, ну, - произнёс я, выходя из кабины «ГАЗ-52».

Мы с Тенгизом снова встретились, когда в Грузии пришёл к власти Звиад Гамсахурдия, и там шла настоящая война.

- Как тебе дела в Грузии? - спросил я, памятуя наш разговор.

Он тоже помнил, поэтому с горечью ответил:

- Никогда не думал, что грузин в грузина будет стрелять.

Была осень 1992 года. Комитет госбезопасности был сокращён, и получил название ФСБ, по примеру США. Потом его объединили с МВД, а затем снова разъединили, сократив штат. Когда министром внутренних дел РФ назначили Виталия Федорчука из КГБ, то было сокращено около ста тысяч сотрудников МВД, среди которых тысячи оперативных сотрудников. Набирать в милицию стали из КГБ и Армии, но там совершенно другая служба, отличная от службы в МВД, а ведь, чтобы стать оперативником, нужен не один год, а три - четыре.

В Армии тоже прошли сокращения, и офицеры вынуждены были искать работу. Некоторые перешли на службу в милицию, в том числе и к нам

перешли офицеры из воинских частей. Так из военной части курсов «Выстрел» к нам пришли Липатов Александр, Пименов Андрей, Ильевцев Вадим и ряд других.

Липатов получил должность инспектора по розыску, под моё начало, и работы нам хватало. Одних, поддельных водительских удостоверений было выявлено инспекторами более сотни, - их лепили на столичных рынках, - не говоря уже о розыске скрывшихся транспортных средств с места ДТП. Правда, статью 211 со значком 1, которая была моим «хлебом» четыре года, упразднили. Пейте дальше за рулём, господа хорошие.

Нагрянул 1993 год, и опять январь принёс потерю в наши ряды. В 20 часов я проводил развод смен, на котором, зачитав все телефонограммы, перешёл к тематике. На вопрос из темы я попросил ответить Виктора Крюченкова, который после ночной смены должен был уходить в отпуск, и который был в соответствующем расположении духа. Он с улыбкой отвечал на юмор сослуживцев по поводу его отпуска, в котором центральное место занимала зимняя рыбалка. Виктор справился с заданием, и я пожелал ему хорошего отдыха.

А через 20 минут, я, находясь в дежурной части, по радиостанции услышал, что при преследовании нарушителя попал в дорожно-транспортное происшествие экипаж служебной автомашины: Виктор Иванович Садков, который был за рулём, и Виктор Иванович Крюченков. После развода инспекторы вышли на дорогу, и водитель «Жигулей» не остановился одному из них. Это было на глазах экипажа, и они начали преследование нарушителя, который явно старался уйти от погони. На 48 км, на скользкой дороге служебную машину вынесло на полосу встречного движения, и произошло столкновение с автобусом, возвращавшимся с рейса в гараж.

К полуночи — я, Инютин Евгений Иванович и начальник смены, Полянский Владимир Митрофанович, поехали в Зеленоград, чтобы сообщить жене Крюченкова о гибели её мужа. Мы выехали из батальона на моей «четвёрке», и были в подавленном настроении. Мне не раз приходилось сообщать родственникам о погибших в дорожных авариях, но это, в основном, было по телефону. Крайне неприятная, но нужная обязанность.

Я двигался довольно быстро. Командир, сидя на переднем сиденье, держался за ручку над дверью правой рукой и попросил меня:

- Матвеевич, не гони.

Я контролировал ситуацию, но понимал, что Евгений Иванович под впечатлением от случившегося.

Нас встретила не только жена, но вышли из комнаты и дети: девочка, лет двенадцати, и мальчик, лет восьми. Сердце разрывалось от плача ребятшек.

Потом мы посетили жену Садкова в Химках, оставшейся вдовой.

Водителя, который уходил от погони, наши ребята блокировали и задержали. Он что-то выбросил в кювет, было подозрение, что оружие, но под снегом его найти было невозможно. А что ему можно было инкриминировать? Это был некто Фролов. Он так и заявил оперуполномоченному, Анатолию Матюхину:

- У вас на меня ничего нет.

Однако, оперативники Солнечногорского ОВД постарались. Они у командира воинской части попросили солдат, и те с миноискателями добросовестно прочесали район поиска, в результате чего были найдены патроны от пистолета. При обыске, в квартире Фролова тоже нашли патроны, в результате чего Матюхин возбудил уголовное дело, и прокурор Карасёв, не говоря ни слова, на постановлении написал: «По наследственности». Следствие разобралось, и лишение свободы Фролов получил.

Подумайте люди: чья здесь вина?
Нас разделяют, между нами преграда,
Говорят: наша служба прелесть одна,
Но не каждый захочет того шоколада.

XVIII

Виктор Васильевич Карасёв ушёл на повышение в Москву, и прокурором стал его заместитель, Алексей Малкин.

В Солнечногорске, на перекрёстке с Таракановским шоссе, произошло столкновение двух легковых машин, после чего виновный водитель с места ДТП уехал. Липатов мне доложил, что владелец автомашины продал её по генеральной доверенности жителю Солнечногорска, который в свою очередь перепродал машину третьему лицу. Второй владелец оказался актёром, и он уехал на гастроли, минимум на шесть месяцев. Нотариус, оформивший сделку купли - продажи, данные, на третьего владельца, не предоставляет, потому что в действиях виновного нет состава преступления, нет пострадавших. Я заехал в нотариальную контору, ссылаясь на Положение, мне тоже отказали назвать имя водителя, подозреваемого в нарушении ПДД, которое привело к аварии. Никакие доводы не принимались. Я материал под мышку и направился к прокурору, прокурор поможет. Малкин меня выслушал и говорит:

- Возбуждайте уголовное дело.

- Я-то его возбужу, но Вы ведь не попишите, так как нет оснований.

- Не подпишу.

- Ну, вот. А как заставить нотариуса дать мне справку о владельце автомашины?

- Никак не заставите.

- А что делать?

- Возбуждайте уголовное дело.

- Так нет оснований.

- Нет.

А раз нет оснований, вы же дело не подпишите?— снова спрашиваю я.

- Не подпишу, - снова отвечает прокурор.

Казус. Я ничего не добился. Такие законы. Потом, спустя год, Липатов через суд довёл это дело до конца.

И на что я обратил внимание: в кабинете прокурора, - в отличии от Карасёва, - у Малкина весь стол был завален деловыми бумагами, и как он знал: где, что лежит. Наверно, время такое наступило, когда дел невпроворот.

В романе «93-й год» Виктор Гюго описал события французской революции. В 93-ем году, - через двести лет, - в России надвигались события не менее трагические, как по Горькому: «Буря. Скоро грянет буря». Права оказалась Роза Васильевна шесть лет назад. По телевизору гоняли ролик с рекламой, где наш современный «гаврош» бегал по улице и предлагал купить газеты. Это вместо того, чтобы посещать школу. Его представляли, как будущего бизнесмена – прям, хроника времён Николая Второго.

В сентябре Ельцин издал указ о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета, что, по сути, узаконивало конец Советской власти. События в Москве развивались ужасным образом: противостояние Президента и Верховного Совета дошло до точки.

3 октября после, 18 часов, с работы я зашёл к маме на Рабочую улицу. Едва переступил порог, как она мне объявила:

- Вить, что-то случилось. По телевизору на всех программах показывают «Лебединое озеро».

В этом сомнения не было, и я сразу позвонил в дежурную часть батальона. Был объявлен общий сбор личного состава.

Инютин Евгений Иванович распорядился, чтобы я остался в дежурной части для связи с Управлением ГАИ, сам поехал на головной пост 33 км, а заместитель по службе, Юдин, на КПП 79 км. Единственная наша задача состояла в том, чтобы наблюдать за обстановкой, ни во что не вмешиваться.

По радиостанции, которая работала на приём, велась трансляция с центра событий, без комментариев, конечно. Было просто страшно слышать такие переговоры: "Из парка нас обстреляли", - прозвучал доклад. "Разворачивайте коробки, накрывайте ответным огнём", - поступило указание. Понятно, что речь шла о танках, а парк – в Останкино. "По крыше пробираются человек десять, - новый доклад из рации". "Это - не наши. Снимайте. Уже за полночь по радиостанции раздался голос, похожий на голос вице-президента Александра Руцкого: "Что они делают? Что делают? Пусть прекратят обстрел. Всё, ведь, свалят на нас". "Ну, усатый. теперь тебе..." - с нецензурной бранью ответил ему кто-то. Это - Верховный Совет, это - центр страны.

В Чёрной Грязи был остановлен бронетранспортёр, двигавшийся из Москвы, о чём я доложил в УГАИ. Там дежурным был Александр Васильев. От него поступила команда: «Не пропускать».

Около 4-х часов утра Юдин с поста 79 км мне сообщил, что в Москву из Петербурга на двух «Мерседесах» едет съёмочная группа Александра Невзорова, ведущего популярной телепрограммы «600 секунд». Васильев дал мне команду: «Мерседесы» остановить, ждать дальнейших указаний». Их задержали на посту 33 км. Время затянулось, и я перезвонил в Москву:

- Саш, может, отпустим Невзорова, они же едут делать репортаж.

- Какой «отпустим? Сказали: вообще разбить камеры,- поделился со мной Васильев.

В Чёрную Грязь прибыла группа в камуфляже, посадили руководителя программы в машину и увезли. Кто такие? Откуда?

Евгений Иванович потом мне рассказывал: «Думаю: отведут сейчас Александра Глебовича за пост и расстреляют. За него стало страшно. А его телохранитель мне говорит: «Подполковник, если с Сашкой что случится, я тебя из-под земли достану».

Невзорова до утра продержали в ОВД Зеленограда. К утру стало ясно: Кремль выиграл, и тележурналиста отпустили.

И Ельцин отдал приказ о расстреле Белого дома, где находился Верховный Совет. Белым днём, по телевидению народ наблюдал, как стоящие на мосту напротив Белого дома четыре российских танка, расстреливали прямой наводкой красивое здание, в котором находились не только политики, во главе с вице-президентом, Александром Руцким и Председателем Верховного Совета Русланом Хасбулатовым, но и служащие, техники, обслуживающий персонал - простые, невинные люди. Больше всего меня расстроило: когда выводили из здания с поднятыми руками сотрудников милиции, которые выполняли в доме Советов свои функциональные обязанности.

Но война войной, а соблюдение безопасности дорожного движения никто не отменял. Надо было отвезти отчёт о работе батальона за 9 месяцев в полк ДПС, на Дурасовский переулок, в Москву. 6 сентября, я, с инспектором по розыску Михаилом Трусовым, и ещё двумя нашими сотрудниками, выехали на автомашине «ВАЗ-2104». По пути надо было заехать в ГУВД Московской области, на улицу Белинского, дом 3, чтобы передать пакет в отдел кадров.

Проехали улицу 1905 года, мимо памятника борцам революции. Все молчали с невесёлыми мыслями в голове. Еле-еле переехали развороченные рельсы трамвайных путей, повсюду виднелись следы недавнего противостояния. Когда мы двигались по улице Герцена, слышались звуки, похожие на работающий отбойный молоток.

- Где-то стройка идёт, - произнёс я вслух,- слышите?

- Какой молоток? Автоматная очередь, - возразил Трусов.

- Да, ладно. Автомат в центре столицы, у Кремлёвской стены? – не поверил я.

- Что? Я не знаю, как стреляет автомат? – уверенно произнёс Миша.

Тут снова раздался характерный, хлёсткий, строчащий звук. Не верилось, но действительно было похоже на очередь из автомата Калашникова. Припарковались на стоянке перед Манежной площадью, и я понёс пакет в здание ГУВД.

Я поднялся на 4-й этаж, и, постучавшись, открыл дверь в кабинет отдела кадров. Там работали, перешедшие в Главк, сотрудники нашего батальона, Иван Сон и Валерий Лазарев. Они оба находились почему-то не по обе стороны стола, на своих местах, а по правую сторону, вплотную к окну на придвинутых к стене стульях. Это сразу бросилось в глаза и я, остановившись в дверях, спросил:

- Чего вы?

Они одновременно замахали руками, показывая жестами, чтобы я отошёл от двери вправо и шёл к ним. С немым вопросом на лице, вдоль стены, я прошёл к столу. Лазарев мне предложил:

- Ты осторожно посмотри в окно.

Я выглянул. Через улицу, напротив, на уровне нашего окна, на зелёной крыше старинного здания, присел мужчина в камуфляже со снайперской винтовкой в руках, прячась за слуховым окном. Он периодически прикладывал приклад винтовки к плечу, смотря в окуляр прицела.

- Мы с утра здесь в углу прячемся, - сказал Иван.

Началась «махновщина» с «петлюровщиной», и ещё, чёрт знает с чем. Если можно расстреливать людей президенту, то почему бы не использовать оружие и силу гражданам, желающим улучшить своё благосостояние и реализовать свои амбиции. То, что было спекуляцией, стало бизнесом, мошенники сидели на мошенниках. Деятельность ростовщиков-мироедов заменили банки. На всех программах выступали целители, маги и волшебники. Обман стали называть удачной сделкой. Буржуи, - «буржуины», по сказке Аркадия Гайдара, - взяли реванш.

Всё стало не совсем так, как в своё время ответил на вопрос о России Салтыков-Щедрин: «Воруют»! Не просто воровали, стали происходить грабежи и убийства.

Отменили талоны на бензин, и водители должны были заправлять машины за наличный расчёт. Они сразу стали субъектами преступных посягательств. Мало того, что перевозился ценный груз, так и большие суммы денег были у дальнобойщиков. Едет водитель из Красноярска в Санкт-Петербург, сколько нужно бензина. А они по привычке ещё останавливались на отдых на обустроенных стоянках, становились жертвами нападений. И на трассы вышли разбойники. Таких разбойников отлавливали и наши

инспекторы, в том числе, несущие службу на КПМ. По сигналу, или для проверки, они выезжали на служебной машине на стоянку, расположенную на 76 км Ленинградского шоссе.

Евгений Иванович Инютин, отвечая на вопросы корреспондента газеты «Перекрёсток», констатировал: «...когда появилась новая волна - рэкет против водителей автофургонов, так называемых дальнобойщиков, пришлось буквально на ходу осваивать науку борьбы с этими дерзкими преступлениями. Так было покончено с обнаглевшими вконец криминальными группировками из Солнечногорского и Клинского районов. Чтобы обезвредить их, понадобилось создать специальную группу внештатного ОМОНа. Она постоянно дежурила по ночам у стоянок дальнобойщиков, и когда потребовалось действовать, не упустила никого.

Та схватка в ночи 16 сентября была короткой, но горячей, со стрельбой, к счастью, лишь бандитской. Иначе было не остановить одного из вымогателей, пытавшегося скрыться на своём «Форде-Сиере». Двое остальных, пытавшиеся гоношиться, быстро стихли, учуяв жареное. А через сутки взяли на том же 76 км ещё четверых. К счастью, на этот раз обошлось без пальбы».

В результате такой работы было пресечено 14 случаев нападений, из которых по семи были возбуждены уголовные дела в ОВД Клина.

На контрольном пункте милиции 79 км, за работу которого я нёс непосредственную ответственность, личный состав состоял из четырёх групп, по четыре сотрудника в каждой. Их возглавляли действующие начальники смен, опытные и грамотные, четыре Владимира: Бажора, Кирсанов, Соколов и Тихонов. На их место в сменах назначили: Юрия Никифорова, Владимира Клинова, Александра Цветкова и Владимира Полянского. Продолжали руководить своими сменами Борис Павлюченко, Владимир Панов, Юрий Галочкин и Лев Максимович.

Главной задачей КПМ была: проверка и досмотр перевозимых грузов автотранспортом, вдруг массово потянувшегося в сторону Санкт-Петербурга, то есть, в сторону границы. Перевозили металл с разграбленных российских заводов и предприятий. Работали инспектора в тесном сотрудничестве с таможей Клина, а начальником Клинского таможенного поста был назначен Евгений Иванович Зыкин.

Как-то он заехал ко мне в батальон и зашёл в 10-й кабинет. Юдин ему сказал, что я поднялся в секретариат, где он меня и нашёл. У делопроизводителя Марины дом родителей был в деревне Яркино, которая находилась недалеко от деревни Евгения Ивановича. У них состоялся разговор, как земляка с землячкой, и Зыкин сказал, что в детстве в этой деревне он пас коров. Раньше Яркино было селом, и там была церковь, которую разрушили. Евгений Иванович спросил Марину: крещёная ли она.

- Нет, - ответила она, но я бы хотела окрестить своих детей.

- Детей можно окрестить только тогда, когда мать будет крещёная. Надо вам вместе креститься. Я договарюсь с настоятелем Никольской церкви, он вас

окрестит.

Зыкин всегда посещал этот храм, и не пропускал церковных праздников.

- А вы можете стать моим крёстным? - спросила Марина.

- С удовольствием – ответил Евгений Иванович.

- Виктор Матвеевич, я бы хотела, чтобы вы крестили моих детей,- обратилась она ко мне.

Отказываться в таких случаях нельзя. Так я впервые участвовал в таинстве крещения, и, опосредственно, приобщился к церкви. самого меня крестили в малолетстве, в церкви на Таганке, когда мы жили с мамой в общежитии, в Москве. Серёжка Суворов съязвил, увидев крестик у меня на шее:

- Партию предал – в бога поверил.

- Ещё не поверил, а партию я не предавал, это она меня предала, вернее её руководство. Партбилет у меня хранится, я его не выбрасывал.

- Да, я пошутил. Я ребятам рассказывал, как ты вступил в партию в то время, когда из неё уже побежали. Вступай теперь в компартию России.

- Я уже был в одной партии, других мне не надо. А верить необходимо, в Россию, например. И, если не в светлое коммунистическое будущее, то в добро, а значит в Бога, как наши бабушки верили. Если сравнить, то моральный кодекс строителя коммунизма написали близко к божьим заповедям. Ведь, правильные постулаты: «Кто не работает, тот не ест», «Каждый за всех, и все за одного». Тогда, для чего они запрещали религию, если в писании всё это уже было написано. Я чего подумал: наши предки, деды и бабушки, наверно, не просто так верили в Бога. Им это было нужно, им это помогало.

К церкви я не приобщился, но в ангелов-хранителей трудно не поверить. И поэт писал: «Наши мёртвые нас не оставят в беде». А ему я верю.

Я приезжал в гости к Зыкину в Дубровку. Более радушного хозяина я в жизни не встречал. По субботам Евгений Иванович всегда топил баню, и кто-то обязательно бывал у него в гостях. В любое время дня, или ночи его двери были открыты, и без угощения он гостей не отпускал. Как-то мы с ним январским утром парились в его бане.

- Сейчас, после парилки, надо принять холодный душ, - сказал Евгений Иванович, охаживая меня, лежащего на полке, берёзовым веником. Выбежали к проруби, где уже стояли два ведра воды, в которых плавали мелкие льдинки. Зыкин опорожнил одно из них мне на голову. У меня перехватило дыхание и я, развернувшись, хотел было рвануть в спасительное тепло, но голос друга меня остановил:

- Стой! Подожди пару секунд, сейчас будет жарко.

Я подчинился, и действительно почувствовал изнутри взрыв тепла, которое разом разлилось по всему телу. Удивительное свойство организма

человека реагировать на экстремальный холод. Ещё два раза мы бегали к проруби.

Дубровка застроилась. Многие владельцы участков земли были сослуживцами Евгения Ивановича в таможенном комитете России. Один раз Зыкин позвал меня в их кампанию, и там один из них вспомнил, как однажды Евгений Иванович в составе делегации ездил в Японию. Японцы организовали прощальный вечер, и он выучил на память песню «Подмосковные вечера» на японском языке, хотя его совсем не знал. Зыкин запел её за столом, японцы были в шоке. Ведь, они при нём разговаривали обо всём, сопровождая нашу группу на объекты.

Инспекторами на КПМ было задержано 77 машин, перевозившие металл, и передали их в ОВД Клина. По ним было возбуждено всего два уголовных дела, и то благодаря таможенникам, хотя даже у инспекторов ГАИ,- специалистов в другой области, - вызывало сомнение законность перевозок. Я потом у Зыкина Евгения Ивановича взял справку по результату расследования, где указывалась сумма денег, поступившая в доход государства, а она была кругленькой. Справку я предоставил в полк своему непосредственному начальнику, заместителю командира полка по КПМ, Сергееву Алексею Сергеевичу, и просил его поощрить ребят. Что он, в конце концов, и сделал. Об одном из фактов задержания мне поведал Володя Тихонов:

- Остановили мы два «Камаза» - по документам: перевозилось чугунное литьё. Но почему-то в контейнерах, причём, контейнеры были опломбированы. Ты же знаешь, что чугун всегда возили в открытых полуприцепах, а тут контейнеры. В обеих кабинах вооружённая охрана, а груз сопровождал замдиректора Тульского завода. Я сказал Маркову, чтобы он снял пломбы. В контейнерах оказался промышленный никель в слитках, такой же формы, как золото. Зам.директора растерялся, но со второй машины сошёл старший охраны, и предоставил документы на никель.

Не прошло и двух дней, как пришла из Главка телефонограмма, которой запрещалось на КПМ Московской области вскрывать пломбы на контейнерах при перевозке грузов. Тогда я ребятам сказал:

- Нас или держат за дураков, или всё куплено. Скорее второе. Выполняйте свою работу на 30 процентов и будьте спокойны. Не подставляйтесь, потому что на нас началось давление. И проверки, гласные и негласные, были, но ничего серьёзного по несению службы на КПМ 79 км выявлено не было.

Поступила команда: опрашивать водителей-дальнобойщиков на предмет: не подвергались ли они в пути нападению, или угрозы нападения, и передавать эти объяснения в отделы внутренних дел.

- Кто у вас там такой умный? - возмутился начальник уголовного розыска Клинского ОВД, когда я принёс ему пачку таких объяснений. — Вы

представляете: я по каждому такому объяснению должен возбуждать уголовное дело. Они там думают, наверху?

- Я-то понимаю, но поступило указание.

А водители откровенно писали о своих злключениях, особенно отличались «соловьи-разбойники» на Горьковском шоссе. Мне показывали записки на клочках бумаги: «Оплачено», подписанные тем, или иным братком.

- А что у нас по задержанным машинам, которые перевозили металл? – спросил я начальника.

- А что у нас? По двум фактам возбуждены уголовные дела, ты знаешь. По другим: дозваниваюсь до директоров заводов, а они подтверждают, что перевозка согласована, дополнительные документы будут высланы. Я отдел разорил, созваниваясь по междугороднему телефону с Челябинском, со Свердловском, с Красноярском.

А водители мне рассказывали, что перед Ленинградом их встречают, цепляют к тракторам, и партизанскими тропами они попадают в Прибалтику.

Дальнобойщики, страхуясь, стали останавливаться на ночь не на стоянках, а у постов ГАИ, вереницей ставя машины по обочинам. Но на 49 км было несколько случаев вскрытия полуприцепов в ночное время, и кража товаров. Один водитель подъехал к посту ГАИ в Чёрной грязи и сообщил инспектору, что на 49 км его машину ограбили: «Я услышал шум и вышел из машины, а меня сразу взяли в оборот: «Не дёргайся»!

- А что вы к нам приехали, там же рядом пост ГАИ, и в Дурькино пост, - спросили его.

- А они сказали, что гаишники с ними заодно.

Вот так нагло и цинично они действовали под носом у сотрудников ГАИ. Ведь поверишь, что инспекторы с ними заодно. Потом их поймали.

Стали происходить разбойные нападения на дальнобойщиков в районе деревни Ложки. Ночью сотрудник милиции с жезлом останавливал грузоперевозчика на повороте в посёлок Берёзки. Это был бандит, одетый в милицейскую форму, с подельниками. Они высаживали водителей, а товары из машины перегружали на свой транспорт и увозили.

Почти каждую ночь в дежурную часть поступали сообщения от инспекторов, несущих службу: то ограбили, то угнали, то расстреляли, то применили оружие, не говоря уже о ДТП с пострадавшими, и на место происшествия должен был выезжать ответственный по батальону из числа заместителей командира. А это: зам по службе Юдин Анатолий Николаевич, зам по РЛС Работкин Александр Владимирович, зам по технической части Белоусов Леонид Александрович и я. Было и так: среди ночи звонок, поднимаю трубку. Ярославцев, дежурный по батальону.

- Виктор Матвеевич, произошло событие, требующее выезда руководства.

- Саш, я вчера был ответственным, а сегодня Работкин.

- До него в Морозовку не дозвонишься, - отвечает дежурный.

Так и получалось: один живёт в Морозовке, другой живёт в Клину, третий - в Новой деревне, а я в центре Солнечногорска, машина рядом, на посту, да, и все эти события больше находились в моей компетенции.

Я уже не раз вспоминал того майора госбезопасности, который в начале моей службы позавидовал мне, сержанту милиции, а ещё больше – водителю, в силу наших обязанностей, несравнимых с его. Правда, в 90-е годы, водителям, было не сладко, впрочем, как и всем простым гражданам.

От Валерки Жердева жена ушла. Его завод в Москве закрыли, и он, слесарь-инструментальщик шестого разряда в каком-то кооперативе стал делать светильники, за которые деньги платили кое-как. Трёх комнатную квартиру разменяли. Помог в этом деле Акрам, азербайджанец, к которому ушла Галина. С дочками она переехала в дом сталинской постройки на Малой грузинской улице в коммуналку, а Валерий с матерью – в однокомнатную квартиру на Полежаевской.

Мой брат Дмитрий, токарь-инструментальщик, мастер, на секретном заводе в Химках, вынужден был уйти из-за отсутствия заказов на изделия, а значит, как следствие, из-за отсутствия стабильной зарплаты, устроившись в ЖКО сантехником, где толком не работал. С женой вскоре тоже развёлся.

Но нам платили.

Между тем, пришлось мне встретиться с Татьяной. Ко мне обратилась её сестра, Оля, с просьбой: помочь им добраться до Солнечногорской ЦРБ, куда положили их старшего брата. Он подвергся жёсткому избиению и сильно пострадал, у него была сломана челюсть. Я уже ранее помогал Ольге в похожей ситуации, когда их мама попала под машину. Неожиданно, с Олей у меня сложились дружеские отношения.

Я за ними заехал в Зеленоград. Две блондинки, тогда, как Таня была шатенкой, а Оля имела волосы золотистого оттенка. Наших межличностных отношений мы с Татьяной не коснулись. Я был рад её видеть, но меня всегда очень задевало положение, когда с кем-либо имеешь близкие отношения, не обязательно любовные, а потом эти отношения сходят на нет.

На лице у пострадавшего брата был гипс, и он общался с сёстрами нечленораздельными звуками и жестами. Мы стояли у рентген кабинета, Ольга достала пакетик с орехами и протянула его Тане, потом мне, и, по инерции, брату. Тот принял такой жалостный вид, что Ольга, отвернувшись от него, чуть не прыснула от смеха, уткнувшись мне в плечо, понимая всю нелепость своего предложения.

Татьяна спросила меня:

- У тебя нет знакомых в Армии? Сейчас, говорят, женщин принимают на службу.

- Ты осталась без работы?

- Да, нет. Я в школе преподаю в начальных классах.

Я знал, что детский садик, в котором работала Таня воспитателем, закрыли.

- У вас в Зеленограде, в городе молодёжи и электроники, заводы закрыли, а вы демонстрацию устраивали в поддержку Ельцина, - заметил я.

- Мы на демонстрацию не ходили, - возразила Таня.

- За то другие ходили. Выстроились вдоль Ленинградского шоссе, от 38 км до МКАДа. За Ельцина.

Володя Вдовин, в то время, звонил старшей сестре Александре:

- Шур, в субботу мы с отцом будем огород перекапывать, приезжай с сыновьями нам помочь.

- Володь, в эту субботу мы не можем, будем в цепях стоять.

- В каких цепях?

- Встанем цепочкой вдоль Ленинградского шоссе, от Зеленограда и дальше, в поддержку Ельцина.

- Вам делать нечего? Надо родителям помогать, а вы занимаетесь незнамо чем, - сказал ей Володя.

Пришлось Володе с отцом одним взяться за лопаты.

Через год, собравшись на семейном празднике, Александра за столом Владимиру сказала:

- Вот ты, Володь, меня на 7 лет моложе, я Плехановский институт закончила, а ты меня умнее. По всем заводам ходили агитаторы, уговаривая провести такую акцию, и мы повелись.

В командировку приказ, Дагестан и Чечня,
Может мина в пути или снайпер в засаде,
Говорят: наша служба - прелесть одна:
Жезлом махнул и уже в шоколаде.

XIX

Не у дел остались многие. На Ленинградском шоссе населённые пункты превратилось в рынки свободной торговли. Местные жители выставляли на обочины всё, что выросло у них в садах и огородах, в надежде продать свои продукты труда. Украинские женщины из Днепропетровска обосновались на 59 км у деревни Дубинино с кухонной посудой, изготовленной ими на производстве, и этой же посудой с ними расплатились за работу.

Меня вызвал командир:

- Виктор Матвеевич, съезди, убери с трассы посуду. Пятница, сотрудники дипломатического корпуса сейчас в Завидово поедут, а тут женщины с кастрюлями по всей деревне. Фарфоровая посуда, - столовые сервизы,

супницы, тарелки, - была сложена в стопки в нескольких точках на протяжении километра. Остановившись у первого развала и заглушив машину, я вышел к продавщице. К нам сразу подошла старшая «десанта», Надежда, с которой я по этому поводу уже общался. Ей было около сорока лет, простая работница, с усталостью на миловидном лице. Мне было жалко украинок, вынужденных покинуть родной кров и мужей, которые тоже потеряли там работу, но теперь я получил конкретное указание, и должен был его выполнить.

- Надежда, вы можете хотя бы располагаться не на обочине, она является частью дороги, а перейти хотя бы на траву? Вас и так, таких красивых, издалека видать, - обратился я к старшей, стараясь говорить помягче.

Женщины потихоньку стали переносить посуду, а Надежда пригласила меня к себе в арендованный ими вагончик, стоящий рядом, на краю деревни. Зная, к чему это ведёт, я её предупредил:

- Надежда, это ничего не изменит.

- Я понимаю. Мы не первый раз встречаемся, надо же нам познакомиться. Я хочу вас угостить.

Я не стал из себя меня карёжить, рабочий день у меня закончился, почему бы и нет.

- Хорошо, только символически, у меня сердце слабое, - согласился я.

- Да, - встревожилась Надежда.

- Да. Отказать не могу.

- Ну, слава Богу.

Символически не получилось. Распили бутылку коньяка, и я собрался уходить, но все товарки вернулись, - на улице стемнело, - с ними тоже надо было чокнуться. Конечно, больше подливали мне, и я расслабился в окружении милых женщин, то есть, набрался. Как-то вдруг мы с Надеждой остались вдвоём, и я понял, что пора ретироваться. Это не входило в мои планы. От близости в таком состоянии я вряд ли получу удовольствие, а главное: нельзя пользоваться безысходным положением женщин. Поэтому, поцеловав её, я с ней попрощался.

Наступила осень. Я делал ночную проверку, управляя автомашиной «ВАЗ-2104». Проверив несение службы инспекторами на посту 33 км, из Чёрной грязи я поехал в сторону области. Время шло к полуночи. Проехав поворот на Ржавки, я чуть не сбил девушку, выбежавшую на проезжую часть с поднятой рукой. Хорошо, что на ней были надеты белые брюки, в свете фар я вовремя её заметил и затормозил.

-Вы что же это делаете? Бросаетесь под машину, - выйдя навстречу подбежавшей девушке, выговорил я.

- Простите, пожалуйста. Мне очень надо доехать.

- Куда?

- В Зеленоград.

- Садитесь в машину, расскажете, что случилось.

Она мне рассказала, что приехала из Крыма на заработки. В Симферополе у неё осталась четырёхлетняя дочка. После распада Советского Союза у них работу найти было невозможно. Здесь она отработала два месяца на Зеленоградском рынке, а работодатель - он азербайджанец - денег не платит. С ним надо переспать, а она этого категорически не хочет. Ей посоветовали обратиться к русскому авторитету с этим вопросом. Тот назначил с ней встречу в магазине «1000 мелочей» сегодня на 24 часа, а она на эту встречу опаздывает.

Я отвёз её на Московский проспект, она, попросив меня немного подождать, скрылась в дверях магазина. Через 15 минут она вышла, сообщив мне, что за неё заступятся.

- Может мне подключиться? – спросил я.

- Нет, не надо. Мне обещали, а они слов на ветер не бросают.

Её звали Светлана. Мы приехали в посёлок ВНИИПП, где она снимала комнату, я заехал на площадку перед домом.

- Спасибо вам большое, вы меня так выручили.

- Не за что. Наш долг – помогать людям.

- А Россия нас бросила, - с неподдельной горечью сказала она.

Мне на это ответить было нечего, и я взял её руку в свою, слегка пожав тёплую ладонь. Она щекой прижалась к моему плечу, а я боялся пошевелиться, чтобы не нарушить умиротворение, нахлынувшее на нас. «Ну почему эти хохлы, - по-другому их даже называть не хочется - всё время пихают своих красивых дочерей и жён в объятия: то завоевателей, то работодателей».

Света подняла голову и мы стали целоваться. Незаметно стало рассветать. Мы настолько увлеклись, что потеряли время. Правда говорится: «Счастливые часов не наблюдают». Мы оба соскучились по ласке. Я вспомнил Таню, Света была не хуже. Она, уходя, назвала мне номер квартиры, где жила. Было заманчиво, но я себя пересилил и постарался выбросить её из головы. «Женщина – источник наслаждения, а наслаждение ведёт к страданию», - где-то я прочитал такое индийское изречение. На тот момент я в таком состоянии и находился, вспоминая наслаждения.

Разыскивали мы машину «Камаз», на которой ленинградский водитель, перевозил на полуприцепе порошок «Зуко». Ночью его остановили на 54 км, под угрозой оружия вывезли на просёлочную дорогу, и оставили в лесу. Он под утро пришёл на пост ГАИ 49 км. Обнаружили мы машину недалеко от Берёзок, уже порожнюю. Что интересно, после этого в Солнечногорске, во многих палатках, вдруг стали продавать этот порошок. Пакетик «Зуко» растворяли в воде, и получался газированный сладкий напиток. А этих пакетиков была целая фура. Химия, конечно, но «Фанта», массово завозимая к нам во время Олимпиады в Москве, - тоже химия, а покупали.

Лже-милиционера с компанией вскоре выявили оперативники.

И начались потери. Первым оказался прокурор Солнечногорска, Алексей Малкин. Уехал на своей машине на дачу и, как в воду канул вместе с машиной. Малкин был настоящим прокурором.

Не вышел на службу наш инспектор, Николай Добряков. Сначала подумали, что заболел, но на следующий день в батальон позвонила его мама и сообщила, что сын не пришёл с работы. Он встречался с женщиной, которая занималась бизнесом, и жила в Поварово. Поехали по её адресу, и там обнаружили у коттеджа пустые автомашины: «Жигули» Добрякова и её «Джип». В спальне был полный беспорядок, следы борьбы, и никого.

Коля был очень хорошим парнем, в полном соответствии со своей фамилией. Мастер спорта по борьбе. В батальоне служил Александр Заднепрянский, он был вынужден уволиться по сложившимся обстоятельствам, и тоже занялся предпринимательством. Он с друзьями провёл своё расследование по факту исчезновения Николая и его женщины. Следы оборвались в котельной посёлка Поварово. В шлаке были найдены: оплавленная милицейская кокарда и пуговица. Кочегара, работающего в тот злополучный день, найти не удалось. Исчез. Поэтому возникло предположение, что Добряков погиб.

На Дмитровском шоссе были расстреляны инспектора ДПС, несущие службу у перекрёстка МБК Дмитровско-Ленинградского направления. Причём, ребята погибли в силу того, что ещё не перестроились, ещё не осознали опасности нового времени. Ими была остановлена автомашина «Жигули», двигавшаяся в сторону Москвы, для проверки. Кроме водителя, в машине находились два пассажира. Один инспектор, вооружённый автоматом, остался на дороге, а второй прошёл в помещение поста вместе с водителем. Он связался по селекторной связи с дежурным 2-го батальона ДПС УГАИ Московской области и попросил проверить по базе остановленную автомашину.

Дежурный совершил роковую ошибку: вместо селектора он воспользовался радиостанцией, и сообщил: «Машина в угоне». Водитель не был досмотрен, и был готов применить свой пистолет. Он сразу его и применил, а второй сотрудник ГАИ, не ожидая такого развития событий, за это поплатился. Он не держал наготове автомат и, когда бандиты открыли огонь из «Жигулей», не успел принять оборону.

Милицию уже не боялись, а, значит, не уважали. Вернее, перестав уважать, не стали бояться. Нарушители и преступники, их я имею в виду. А их расплодилось. Я думаю: это следствие того, что весь мир видел милиционеров, которых выводили из расстрелянного Дома Правительства с поднятыми вверх руками, будто преступников. Какое будет уважение, если два лучших министра внутренних дел: Николай Щёлоков и Виктор Пуго застрелились.

На российском вещании вышла в эфир радиостанция «Авторадио». Поступило указание Управления ГАИ: направить представителя батальона на программу, посвящённую безопасности дорожного движения, которая выходила в прямом эфире. Анатолий Николаевич Юдин предложил мне участвовать в этой программе.

- Выбор пал на тебя,- объявил мне Анатолий.
- Я понимаю так, что надо будет отвечать на звонки радиослушателей.
- Да, скорее всего. Потому тебя и назначили.
- Тогда мне надо брать с собой Комара. Наверняка будут вопросы по дорожным условиям и качеству ремонтных работ дорожного полотна.
- Конечно, Владимира Михайловича бери с тобой.

Радиостанция находилась в обычной, московской, двухкомнатной квартире. Было опасение, что вдруг меня спросят о том, о чём я не смогу компетентно ответить. Всё-таки, я служил в ДПС, в строевом подразделении, служба в котором несколько отличается от службы в районных отделениях ГАИ.

В процессе моих ответов на вопросы ведущей поступил звонок от слушателя:

- Можно ли мне обучать вождению легковой машины в деревне, в поле? Я ответил так:

- Вы формально будете нарушать, закон есть закон. Здесь на усмотрение инспектора ГАИ, который вас остановит. С моей точки зрения: можно, если это будет безопасно для окружающих, в том числе и для вас. Ваш стаж водителя должен быть не менее 3-х лет. Я понимаю так, что ваша автомашина не оборудована вторыми педалями, как учебный автомобиль, и вы будете нарушать порядок прохождения обучения водителя на категорию «В». Однако, например, в уголовном кодексе есть статья, которая гласит примерно так: лицо, совершившее деяние, которое формально подпадает под признаки преступления, но не создаёт угрозу общественности безопасности в силу малозначительности, освобождается от уголовной ответственности. Я полагаю, что это применимо было бы и в административной практике. Поэтому инспектор ГАИ за нарушение ПДД водителем имеет право не только подвергнуть штрафу или составить протокол, но и вынести устное предупреждение, исходя из того: была ли создана аварийная ситуация или нет, то есть была ли создана угроза безопасности дорожному движению, или нет. Ведь, остановка гражданина при управлении им автотранспортным средством же ограничивает его свободу в той, или иной степени. И второе, если логично рассуждать, Правила регулируют дорожное движение, и если в поле дороги нет, то и нарушения нет. Что не запрещено, то разрешено.

Как я и предполагал, второй телефонный звонок от слушателей был по дороге, о Солнечногорске, в котором образовывались заторы по воскресным дням при возвращении дачников в Москву. Ведущая была в курсе и объявила:

- На этот вопрос вам ответит инженер по организации дорожного движения, Комар Владимир Михайлович.

Ему пришлось отвечать на главный вопрос: «Когда прекратятся эти заторы»? Владимир ответил с оптимистическим прогнозом, а я вспомнил дежурного Калашникова, который ещё в 70 году не верил в скорое строительство объездного шоссе.

Виктор Кузнецов на автомашине «ЗИЛ-130» повёз продукты в Москву по магазинам, и нарушил Правила. Остановил его инспектор ГАИ, и, проверяя документы, неожиданно обрадовался:

- Так вы из Солнечногорска?

- Да, - ответил Виктор, тоже внутренне обрадовался, полагая, что его отпустят с миром.

- Вот теперь я на вас выплусь, - заявил инспектор. - У меня дача за Клином, и по воскресеньям приходится по часу стоять, чтобы проехать ваш город, когда возвращаюсь домой.

Действительно, так частенько было. Дорога на Москву в Солнечногорске являлась центральной улицей под названием: улица Красная. Объехать нельзя, потому что справа проходит Октябрьская железная дорога, тоже по центру города, а слева раскинулось озеро Сенежское.

Виктора наказывать не стали, поскольку он являлся нашим общественным автоинспектором, но информацию о его нарушении прислали в наш батальон.

Я проводил развод смен на линию и зачитал телефонограмму, в которой было указание: задержать четыре автомашины, принадлежащие жителям Клина, на которых разъезжали лица, подозреваемые в преступлениях.

Комментариев от инспекторов не последовало, и меня удивило молчание сотрудников Клинской смены, которые наверняка знали этих людей. Но после развода ко мне подошёл Владимир Разин:

- Виктор Матвеевич, эти машины каждый день разъезжают по Клину, почему мы должны их задерживать, а где опергруппы? Отделовские не хотят с ними связываться, а мы должны подставяться. Вот у вас, у руководства, повседневное ношение оружия, а мы пистолеты сдаём после смены. Идёшь домой, а у подъезда сидят, ждут тебя, и начинают разговор, что ребёнок у тебя в садик ходит, жена там-то работает. И вроде в шутку.

- Я понимаю, Володь, вы не подставляйтесь, - сказал я ему.

Ельцин, обращаясь к автономным республикам и областям, объявил: «Берите суверенитета сколько хотите, сколько можете проглотить». После развала СССР взялись за Россию. Первой оказалась Чечня и там началась гражданская война. Дудаев стал Президентом Чеченской республики Ичкерии, который был за выход республики из состава РСФСР. Оппозиция была против, и устроила митинг. Митинг расстреляли.

Ну, а наших сотрудников стали посылать в этот беспокойный район. Ежемесячно по два человека, добровольно, или добровольно-принудительно.

Сергей Курбатов и Виктор Киселёв прибыли в Беслан. Они несли службу на блок-посту совместно с военнослужащими около села Эльхотово, что рядом с Кабардой. В один из дней за военными приехала машина, и на посту наши сотрудники остались одни вместе с местным участковым, майором милиции. К ним стали подходить сельские жители, всё больше и больше, и вскоре они оказались в окружении агрессивной толпы.

Когда Сергея и Виктора стали обезоруживать, их коллега пытался их защитить, но его жестоко избили. У Курбатова отобрали автомат и пистолет, который висел в кобуре на портупее, а у Киселёва только автомат. Пистолет у него был под пальто в кобуре на пояском ремне, и он боялся: как бы его не обнаружили. Ничего хорошего они не ожидали, поэтому пистолет давал какую-то надежду. Их закрыли в каком-то сарае, в котором они провели сутки. К счастью, их освободили, но оружие им не вернули.

- Чёрт с ним, с этим оружием. Главное – вы живы, - сказал ребятам командир полка, Мамот Вячеслав Васильевич, встречая их на аэродроме.

Когда Михаил Трусов собрался в командировку в Дагестан в третий раз, я его спросил:

- Миш, ты, конечно, молодец, но что тебя заставляет туда ехать?

- Говорят, что каждый человек оправдывает свою фамилию. Моя фамилия Трусов. Я хочу опровергнуть это мнение.

А всего Трусов ездил туда восемь раз. Позже, на второй чеченской войне, один из наших сотрудников, Московкин Алексей, там погиб.

Я шёл по коридору, когда со второго этажа спустился Евгений Иванович и пошёл мне навстречу, к выходу из батальона. Поравнявшись со мной, он, не останавливаясь, сказал:

- К нам едет генерал, иду его встречать.

В дежурную часть недавно был назначен Слава Пятенков, поэтому я решил вернуться и подстраховаться. Зайдя в дежурную часть, я провёл короткий инструктаж Пятенкову.

- Слава, когда войдёт генерал, ты выйди к нему и подай команду: «Смирно»! Докладывать ему не надо, его сопровождает командир, только представься.

Понял?

Пятенков ничего мне не ответил, но, судя по его широкой улыбке, - вроде: не учи учёного, - было видно, что слова до него дошли.

А ехал к нам генерал-полковник внутренней службы, 1-й заместитель министра РФ, Шилов Иван Фёдорович, и с поста 49 км уже сообщили, что машина из ГУВД проехала. Штабные все рассовались по своим кабинетам, а я

остался в классе службы, что находился рядом с дежурной частью, откуда через застеклённую дверь просматривалась коридор.

Заходит генерал, Пятенков, стоя в дверях дежурной части, прикладывает руку к козырьку фуражки, докладывает:

- Товарищ, генерал! Старший лейтенант Пятенков.

- Почему старший лейтенант? На вас же капитанские погоны, - удивился Иван Фёдорович.

- А здесь же старший лейтенант, - возразил Слава, ткнув пальцем в табличку на двери, где было написано: дежурный по батальону - «старший лейтенант», напротив фамилии: «Пятенков». Её ещё не поменяли.

- А почему команду не подаёте? – спросил генерал.

Тут сослаться Славе было не на что, и он, кисло улыбнувшись, передёрнул плечами. Правда, генерал этого уже не видел, он прошёл дальше.

- Ты почему не крикнул: «Батальон, смирно»? Я же тебе говорил, - спрашиваю Пятенкова.

- Так не было же никого.

- Какая разница. Ты по уставу так должен отвечать.

Ко мне приехала корреспондент Зеленоградской газеты «41+», молодая девушка, брать интервью по нашей работе.

- Перед тем, как печатать материал, вы мне покажите, что там написали, - предупредил я её.

- Хорошо, - согласилась она.

Я ответил на ряд вопросов, и в конце беседы она меня спросила:

- Вам когда было легче работать, когда были инспектором, или сейчас в должности заместителя командира?

И я вспомнил майора госбезопасности, с которым пил коньяк на посту 47 км, когда он завидовал мне, простому инспектору ГАИ.

- Когда был инспектором? – не задумываясь, ответил я девушке.

- Почему? – спросила она.

- Потому, что работая инспектором, я отвечал сам за свои действия, или бездействия, а сейчас, я отвечаю ещё и за других.

Ознакомиться с материалом мне не пришлось, но в газете всё написано было верно.

Виктор Колбасин

Занятие для настоящих мужчин

О чём мечтают и спорят мужчины? О подвигах, деньгах и славе независимо от места рождения и времени проживания. А если ты живёшь в провинции, вдалеке от крупных городов, тебе за ... в общем, о молодости можно только вспоминать. Остаётся бравировать только успехами на любовном фронте, да пыжиться тем, что у тебя есть оружие, старенькая пристрелянная двустволка, когда у соседа кроме палки в углу, отродясь ничего не встречалось.

Магия оружия... против неё никто не может устоять, даже слабый пол любит поддержать и попозировать с клинком из дамасской стали, а уж если это удобный образец огнестрельного, прошедшего многократные проверки и не только в тире. А если стремление к обладанию устройством повелевания порохом и дымом, помножено на обыкновенную любовь между мужчиной и женщиной? История хранит немало случаев, когда фортуна улыбнулась участникам или закончилось падением в бездну, растворяясь бесследно при столь запутанных обстоятельствах человеческих отношений.

Сознательно умолчу об истинных именах и фамилиях действующих лиц, о селе, вблизи которого произошли события, районе на бескрайних просторах моей Родины. Похожая история могла произойти в любой стране мира, где имеется свободный доступ к оружию, существует легальный и «чёрный» рынок торговли средствами защиты и нападения, вдобавок осуществляется широкомасштабная антитеррорстическая операция. Соседу моему Миколе несказанно повезло: он нашёл возможность подзаработать вне дома так, что никто из домашних, даже его жена ничего не знала об истинных причинах позднего возвращения с работы в последнее время, да и работой это было назвать трудно. По месту постоянно выполняемых поручений по долгу службы получал гроши, которых едва хватало на пропитание, а хотелось всегда чего-то большего. Ходить на охоту приходилось в компании друзей, в роли загонщика, так как своего ружья не было и в помине. Иной раз и пострелять по бутылкам не имел возможности. Ну, вот удача улыбнулась: на подсобных работах, выполняемых после смены, удалось скопить заначку, которую можно и нужно потратить как можно раньше, пока её не обнаружила жена. Сказано – сделано, Микола в ближайший выходной посетил в райцентре магазин «Охотник-рыболов», но к огорчению потенциального покупателя, денег хватало только на порох и патроны, старая, проверенная двустволка имела заоблачные цены...Почесав в затылке, собрался восвояси не солоно хлебавши, но выйдя из магазина, был остановлен, случайным прохожим, от которого разило за версту перегаром. Потянув за рукав, незнакомец знаками показал не надо шуметь,

есть разговор в скверике неподалёку. Поскольку день только начинался, а уже на душе было тоскливо, мелькнула мысль, а не попробовать утопить горе и разочарование со случайным прохожим, который после вчерашнего, также желал отвести душу. Действительность превзошла все ожидания: подвыпивший субъект предложил «ствол» по-дешовке, мол, родственник из зоны АТО привёз несколько штук, а реализация товара идёт не шатко ни валко, сельчане боятся приобретать «меченые» пистолеты. Ударили по рукам и отправились к ближайшей пивнушке, поскольку отметить успешную сделку более крепкими напитками было уже затруднительно. Эту незамысловатую историю сосед поведал в воскресенье вечером, полушёпотом, подойдя к забору, придерживая левой рукой что-то у себя за пазухой, а правой прикладывая холодную монетку к нехоти появившемуся у глаза синяку, которым наградила вторая половина, когда узрела мужа, с пьяной шатающейся походкой, идущего от автобусной остановки. «Врёт и не краснеет», - подумалось в этот момент. Однако своё мнение пришлось изменить, когда Микола развернув тряпицу, и в сумерках сверкнул воронённой сталью ствол. «Надо бы опробовать в деле, на следующие выходные охота на охоту, дак ты слово жинке скажи, а то не отпустит одного», - попросил сосед.

Дни тянулись необычно долго, но выходные все же наступили. Мы с соседом приступили к намеченному плану. Осеннее утро встретило компанию охотников прохладой и легким морозцем, которые намеревались принять «на грудь» для храбрости и согреву первача, а затем попробовать пострелять из настоящего оружия. Осушив заранее припасённую бутылку, решили использовать её же в качестве мишени на ближайшем пригорке, в зарослях терновника, который мог укрыть нас от глаз любопытных прохожих, вышедших подышать воздухом или поискать грибов, после прошедших накануне дождей. Мы даже поспорили на магарыч, кто быстрее поразит мишень старая проверенная двустволка или пистолет, но наш спор так и остался в области домыслов и догадок, ибо последующие события круто изменили наши планы, да что там планы – наши жизни оказались в подвешенном состоянии. То ли легкий туман, то ли спиртное, ударив в голову, помешало прицельной стрельбе, но ни крупнокалиберная дробь, ни пуля не попали в цель после первого выстрела. Мы намеревались повторить попытку, но невдалеке затрещали кусты терновника и на поляну вышли два охотника в защитных костюмах, держа на плечах «вертикалки». «Вот же принесла нелёгкая» - не сговариваясь, произнесли практически одновременно, но это были ещё цветочки... «Стволы на землю, иначе стреляем», - фраза пронзила наши уши. Делать нечего бросаем стволы... Незнакомцев привлекает пистолет, старенькая двустволка не вызвала интерес. Не успели отойти от шока – снова шорох в кустах и автоматная очередь над головами. «Ложись на землю, стволы в сторону, а то ненароком продырявлю любого», - приказ не пришлось повторять новому знакомцу, вышедшему из зарослей. «Зинка, собери арсенал и в

шалаш» - тоном, не терпящим возражений, приказал дезертир, который скрывался неподалёку в шалаше, чей покой нарушили горе-охотники. Из-за широкой спины мужчины вынырнула не потерявшая стройность дама бальзаковского возраста, для выполнения своих обязанностей. Так вот куда зачастила наша Зинка с лукошком, в прочем грибы знатно мариновала, сам неоднократно присутствовал на мероприятиях по случаю, то свинку заколоть, то помочь забор поправить. Даже подумать не мог, чтобы эта крепкая ещё с виду бабёнка, могла связаться с каким-то пришлым... Уткнувшись лицом в землю, оставалось лишь размышлять, иначе любой шорох или движение могла быть истолковано не в нашу пользу. Едва успев собрать оружие и направить свои шаги к наспех сколоченному шалашу, как со стороны дороги раздался нарастающий шум мотора, затем скрип тормозов и топот бегущих ног в направлении терновника. Грязно выругавшись, пытаясь остановить бегущих людей, дезертир выпустил очередь в их направлении, в ответ прозвучало несколько пистолетных выстрелов, один из которых достиг цели. Дезертир медленно оседал с дыркой в голове, а на поляну сквозь колючие кусты пробирались работники правоохранительных органов, Зинка, обернувшись, увидела, как падает её любовник, лишилась чувств. Нам всем разрешили встать и даже поблагодарили за помощь в обнаружении опасного преступника, который сбежал с места прохождения службы с автоматом, да и найденный пистолет был в розыске. Последним на поляне появился наш участковый Петро, именно он, услышав выстрелы, вызвал подкрепление из района, благо всего километров двадцать до места происшествия по не самой лучшей, но всё же покрытой асфальтом дороге. Быстро составили протокол, в котором все присутствующие охотники поставили свои подписи, не сговариваясь, всё валили на лежащего неподалёку мертвого дезертира. Оперативники довольно потирали руки, радуясь очередной премии за блестяще проведённую операцию, где кровь на

лицах не результат ранений, а царапины от колючих кустов. Невероятно, но всем охотникам разрешили взять обратно свои стволы. Я потянулся за ружьём, но рука провалилась в пустоту, от неожиданности я вздрогнул и ... проснулся. Приснится же такое. Во рту – птичий двор и ощущение жажды, последствия вчерашних с соседом посиделок. То ли надо меньше пить, толи надо лучше закусывать, да и, кстати, вспомнил: под верстаком в опилках початая бутылка, надо бы опохмелиться...

Океанские волны

Расположившись у барной стойки, пил терпкий коктейль «Голубая лагуна» и смотрел в окно. В оконный проём струился свет, открывая вид не на берег моря, а шум, доносящийся извне – это не глухой шум океанского прибоя. Окно открывало вид кусочка шумной, по провинциальным меркам, проезжей части. Да и был ли это напиток, приготовленный по оригинальному рецепту или бармен, в лице миловидной женщины бальзаковского возраста, смешал ингредиенты из того, что оказалось под рукой. Я вспоминал...

Мысли, вспыхивали как фейерверк, путались, наскакивая одна на другую... С одной стороны, мне не надо было спешить, но бурные события прошедшей ночи не давали повода успокоиться. Может вспомнить Исаака Ньютона и его физику? Нет, слишком рано.

В почтовом отделении неожиданно образовалась очередь. Виной всему очередное обновление программы компьютера, из-за чего ранее работавшие с неплохой скоростью приложения стали тормозить, платежи за электричество и пользование интернетом практически остановились, публика, стремясь заполнить образовавшуюся паузу, стала делиться новостями и мнениями по поводу аномального лета, вернее жаловаться на прохладные ночи и частые дожди. Кто-то мечтательно произнёс: «Все нормальные люди на море отдыхают, а мы тут...».

- Ничего хорошего в отдыхе на море нет, кроме красивого ровного загара, - включилась в разговор женщина, недавно вышедшая на пенсию.

- Мы с мужем по приглашению друзей, знакомых ещё со студенческой поры, из Анапы, откликнулись, совершили вояж к морю. Гостили, там целую неделю. Все было на отлично и солнце, и море буквально в двадцати метрах от дома, но один эпизод всю картину и впечатление испортил на всю жизнь. В один из дней пребывания море штормило, не так чтобы совсем нельзя было купаться, но волны у берега поднимались довольно высоко, набрасываясь на гальку и с шипением и пеной медленно отступали, чтобы повторить свою попытку с нового разбега. Мужчины без колебаний вошли в бурлящие волны и плавали недалеко от берега, покачиваясь в такт приходящим пульсациям воды. Побродив у кромки прибоя, решила присесть на гранитный валун, который располагался у самой кромки воды. Волны вначале ласково обволакивали,

щекотали и массировали ступни. Я расслабилась и сидела с полуприкрытыми глазами, прозевала волну большой амплитуды, которая привела в чувство, окатив брызгами с ног до головы. Надо вставать промелькнула мысль. При попытке подняться была буквально залита потоками воды очередной волны, которая к тому же сбила с ног. Стою на четвереньках, уже нахлебалась соленой с привкусом йода воды, и подняться не могу, мешают набегающие волны и крикнуть не получается во рту горечь от попавшей жидкости. Хорошо муж был невдалеке, заметил странность в моём поведении, помог подняться и вывел на берег. Теперь я, моря боюсь. А через несколько минут к нам подошла местная жительница и рассказа, как буквально четыре дня назад, одну отдыхающую с этого камня смыло в море, через несколько часов волны выбросили на пустынный берег бездыханное тело.

- Я знаю, - включилась в разговор более старшая по возрасту старушка.

- По молодости, когда муж работал парторгом в колхозе, мы много ездили отдыхать по санаториям, бывали на берегу Чёрного моря. Я ощутила силу моря, его энергию. Это совсем не то, что наблюдать за штормом из окна гостиницы. Так что я Вам скажу: «Море ошибок не прощает. С ним всегда надо быть настороже».

- Ну, всё, - отозвался оператор.

- Компьютер в норме, проходите, оплачивайте счета. Толпа притихла, зашуршали квитанциями, выстраиваясь в порядке живой очереди к кассе.

Мне в ночи вдруг привиделось, что в бунгало на берегу океана, я провожу свой отпуск. К берегу то и дело приставали катера и лодки, чтобы отвезти страдающих туристов понаблюдать за коралловым рифом, а для особо непоседливых организовать погружение с аквалангом. Очередной раз, покинув своё убежище на берегу океана, был поражён открывшейся картиной: там, где недавно к берегу приставали лодки, тянулся ровный песчаный пляж с редкими лужицами воды, в которых барахтались крабы. Вода отступила, на сколько хватало глаз, может на километр, а может и дальше. Отлив, который вызван влиянием Луны, на водную поверхность океана. Полюбовавшись открывшимся зрелищем, ушел спать, так как чувствовал усталость от нахлынувших событий дня. Сквозь сон услышал отдалённый гул, решил посмотреть, в чём причина неясного шума. Оказалось, идет приливная волна, при этом заливая водой не только обнажившееся дно залива, но и захватывая новые территории берега, возникла лёгкая паника. А что будет дальше? Невдалеке увидел местного жителя и спросил: «Что делать?»

- Бежать!

-Куда?

На мой недоумённый вопрос абориген неопределённо махнул в направлении деревни, которая стояла на пригорке и была расположена выше, чем жилища отдыхающих туристов. Быстро забежав в своё временное жильё, хватаю паспорт и солнцезащитные очки и бегом наверх, а волны уже хлещут

под колени, как бы подгоняя. Бегу, спотыкаюсь и просыпаюсь... так и не знаю, успел ли добежать до спасительной полосы земли, куда не достают приливные волны. Разволновался в ночи, долго не мог уснуть... То ли не надо слушать случайные разговоры об отдыхе на море-океане, то ли повременить с поездкой в эти самые места.

Светлана Назарова

Прости меня

Ах, эта длинная дорога от далекого города до большой деревни, которая связует разные судьбы, и разрывает их, порой навсегда... И после долгого пути, ожидания встречи и радости ее, которая возвышает, уносит ввысь, наступает миг расставания. И при этом сжимается и болит сердце, ноет и тоскует душа. Но версты, версты и столбы приводят мысли в привычное русло, и сердце начинает биться ровно, как обычно, до следующей встречи и следующего расставания...

Наша Ирочка родилась в тридцатом году в том самом большом городе, который помнила, но жила уже долго с мамой и с бабушкой в деревеньке, недалеко от дороги, по которой ходили они с мамой в школу, направляясь налево к красивому, уютному селу. А направо по дороге машины ездили в город, о котором дома изредка вспоминали, всплакнув. И Ирочка, выбегая иногда на эту дорогу, смотрела вдаль и мечтала об этом городе, и тосковала, как будто заразилась той тоской от мамы и бабушки. Девочка задавала маме вопросы, на которые та отвечала скупно, неохотно... Да, они приехали в деревню, когда Ирочка была маленькой, в гости, и остались здесь, потому что были арестованы дед и отец. Но и только...

Но вот началась эта страшная война с Германией, и совсем туго стало жить женщинам в тылу. Все, кто мог: дети, старики, и конечно, женщины, выходили на поля и в луга. И почти все, что вырастили, увозили по дороге в город. И тогда Ирочка, смотрела вслед машинам, и вновь тосковала, но уже не мечтала...

Мама слегла, слишком много волнений и трудов. Она, отработав в школе, где преподавала историю, вместе с детьми, выходила в поле, где трудились они все до изнеможения, а затем допоздна дома сидела у лампы, которая коптила керосином, писала конспекты к завтрашним урокам. Бабушка тоже захворала от многих печалей.

Как-то поздним вечером женщины рассказали Ирочке обо всем, и настоятельно просили при этом, никому ничего не пересказывать, полагая, что находятся они в чрезвычайно трудном, опасном положении. Бабушка и дедушка были потомственными дворянами, и жили до революции в большом особняке, в городе, который грезился Ирочке. Дедушка, офицер царской армии, после революции пошел служить в Красную армию, потому что был поставлен перед выбором: или служить, или будет рассмотрен вопрос о его семье. Он спасал семью, ибо была она многочисленной: мать, сестры, жена с сыном. И когда в гражданскую войну, победила Красная армия, он не восторгался, а печалился, корил себя, охваченный предчувствием. Ирочкин

отец тоже был военным, но взглядов деда не разделял. Он вырос уже в другой стране, и верно, и преданно служил ей. Но кто-то написал донос на деда, и всех их арестовали, всех кроме бабушки, мамы и Ирочки, потому что они в это время оказались в этой деревне в гостях у бабушкиной сестры. Они получили письмо от соседа, который советовал им тихо выждать... За ними приезжали, но не арестовали. Руководил обыском друг Ирочкиного отца. Он просил оставаться в деревне. «Все сделаю для того чтобы вас забыли. Все оформлю, как надо. Мы больше не увидимся. Прощайте.» - произнес он уходя. Он и рассказал тогда о расстрелянном отце и деде, о сосланных в лагерь сестрах отца, которых любили в доме все безмерно за их красоту, веселую возвышенность, блестящий ум, за наивные мечты, которым не суждено было сбыться, потому что их, уже заключенных, везли из порта Находка на Колыму на Дальнем Востоке, на судне вместе с уголовниками в одном трюме. Девушек нашли в конце пути убитыми. Их истязали эти уголовники. Девочки боролись с ними до последнего, до смерти. Все дословно было сообщено в НКВД тому человеку, что рассказал об этом ужасе, потому что сотрудник, проводивший осмотр лично знал его. Много было совершено преступлений на том судне... Долго стояли бабушка и мама перед иконами после его ухода, молились об усопших, о живых, охваченные всеобъемлющей тоской, чувством безысходности...

Затем продолжили рассказ об их прежней жизни. Ирочка помнила себя маленькой в том доме. Она удивляла маму ранними своими воспоминаниями, и печалила. Особняк построил еще папин прадед. Парадная была освещена оригинальной люстрой. Здесь было два камина из белого мрамора. Белая мраморная лестница звала на второй этаж. Небольшая лестничная площадка была окаймлена тремя дверьми с витражами, которые начинались от изумительных дверных ручек. А там, за дверями было царство красоты и вкуса. Белоснежная столовая с огромным круглым столом, с каминами. Подоконники были из белого мрамора. Окна смотрели на большую реку. Два кабинета, отделанных дубом, с огромными хрустальными люстрами. Картинная галерея, украшенная восхитительной лепкой. Спальни, в которых были такие потолки, что можно было часами рассматривать их, в восхищении. Гостиная была огромной, украшенной мебелью в стиле ампир. А детская комната, о которой вспоминала Ирочка, была самой светлой в доме. Солнце ласкало ее несколько часов. И все наслаждались им в северных широтах. И мама сказала Ирочке: «Нам уже, видимо, не увидеть нашего дома, а ты, возможно, войдешь в него, когданибудь. И пусть это будет лишь мимолетным видением, но ты помни, там мы были счастливы, и много сделали для нашей несчастной страны».

Решено было непременно сменить фамилию на девичью бабушки. Все решилось, как нельзя лучше, потому что в милиции служили бывшие ученики дорогой тетушки, они то и сделали все...

Всегда, при любом стечении обстоятельств, мама и бабушка анализировали ситуацию, делали выводы, а уж потом принимали решение. И эти уроки не прошли для Ирочки даром. И еще, они давали ей ненавязчиво, тактично, советы, наставления, которые Ирочка стала записывать, посчитав их вначале забавными, а потом позже, бесценными. Возможно, эти советы, основанные на Заповедях Господних, стали путеводителями по жизни Ирочки. Высокие моральные принципы были незыблемы. И Ирочка всю свою жизнь пыталась достигнуть тех высот, что задали ей родственники.

Вскоре тихо скончалась сестра бабушки, которая прежде жила в том самом селе, где была школа. И школа, собственно, была ее домом, барским домом. Дорогая тетушка, как звали ее мама и Ирочка, после революции все отдала новой власти, и сама организовала эту школу, и была в ней первой учительницей. Ирочку с мамой в селе звали «барынины девочки». Тетушку все любили, уважали, так же как и маму. При советах школу ремонтировали, сделали пристройку. А дорогая тетушка окончила дни в избе своей горничной, к которой перебралась после революции, и которая вскоре тихо умерла, в которой жили теперь они, в которую перевезли книги (частично оставив их в школе, в библиотеке, которую организовала дорогая тетушка), и гардероб, платья из которого мама Ирочки и бабушка перешивали сами под Ирочку и себя... Изба эта оказалась прибежищем для них на многие годы. Была она старенькой, но крепкой. Их сосед, простой крестьянин, всегда помогавший «барынькам», содержал избу в порядке, ремонтировал, подкрашивал, латал, как будто все смотрел наперед. Помогала соседкам по хозяйству и его жена, добрая, простая женщина, и их сынок Матвей, который привязался к «барынькам», как к родным. Был он значительно старше Ирочки. Учился он в их школе, где слыл отличником, и за это был благодарен Ирочкиной маме, которая привила ему любовь к чтению. Очень часто засиживался он в их избе, где ежедневно вслух читались и обсуждались книги, которых в доме было множество. Матвей вырос красивым парнем. Но под этим безупречным личиком оказался настоящий мужчина: решительный, справедливый, сильный... И как только началась война, он сразу ушел на фронт, даже не побывав дома. Он уже тогда, окончил второй курс университета на историческом факультете (и вновь влияние Ирочкиной мамы). И эти военные годы тянулись бесконечно долго. В те страшные дни похоронили они бабушку и родителей Матвея, совсем еще бодрых людей. Но болезни, да скорби бесследно не проходят, отнюдь нет...

Но жизнь, полная тревоги за страну, за Матвея, продолжалась. Кончилась война. Ирочка все свободное время, которого было не так много, проводила на дороге, вглядываясь вдаль, с неизменной книгой в руках. И дождалась. Но только намного позже, чем предполагала. Еще издали увидела она мужчину в военной форме. Многие солдаты возвращались тогда, и Ирочка с улыбкой встречала их, провожая дальше в село. Но, то были другие солдаты.

А этот был ее солдат, которого ждала она четыре года, и еще некоторое время, (потому что он демобилизовался много позже Победы), не ведая еще о своей любви. Он был для нее, родным. А за эти годы ожидания, чувства ее менялись по мере взросления. Стыдливая влюбленность переросла в любовь, о которой так много она читала в книгах, о которой стала грезить ночами. И предметом обожания стал Матвей, единственный мужчина в деревне, который был достоин ее девичьего внимания. И там, еще далеко, по дороге шел человек, которого ждала она. Ирочка со всех ног помчалась навстречу Матвею, раскинув руки, не выпуская книгу. Он остановился, пораженный, бросил на землю рюкзак. Ирочка повисла у него на шее, молчаливая, смешная.

«Ира! Это ты!»- удивленно воскликнул он. «Я по книге только и догадался, что это ты». Он был растерян, потрясен. Там на фронте, он, конечно, мечтал о девушке, которую полюбит. Но это были абстрактные картины, которые он не привязывал к конкретному лицу. Он не представлял себе свою девушку в жизни. А тут его встретила высокая, элегантная (ибо, несмотря на трудную жизнь в деревне, мама Ирочки сохранила изысканность во всем и привила вкус дочери), темноволосая красавица, от взгляда на которую у него захватило дух. Он отстранил от себя Ирочку, для того чтобы рассмотреть ее. И был восхищен.

Дома их встретила Ирочкина мама, которая накормила солдата, беспрерывно расспрашивая его о войне, о его службе, о ранениях... Но Матвей, опечаленный кончиной родителей, поблагодарил «барыниных девочек» и ушел в свой родной дом, осиротевший, печальный, пустой. Ирочка содержала дом его в чистоте. Родные стены ждали хозяина в готовности.

И тут набежали соседи, шумные, счастливые, говорливые. Нанесли всякого угощения солдату, стараясь его ободрить, приласкать, как родного. Все в деревне любили эту простую семью, уважали Матвея за его ум, образованность. Деревенские девушки наперебой пытались привлечь внимание к себе. Завидный жених! С орденами, с медалями! Красавец! За столом чокались и чокались. За Победу!

Утром Матвей проснулся, как в бреду. Рядом в постели лежала красивая девушка, с которой он танцевал вечером под гармошку, охваченный общим весельем. Но сейчас, это обстоятельство сильно его обескуражило. Он был разочарован, раздавлен. Радость возвращения исчезла, сменив ее чувством горечи. Перед глазами встала Ирочка с ее светлой улыбкой, тихим, бархатным голосом. Матвей попросил Ольгу уйти немедленно. «Очень красиво. Воспользовался девушкой, и прочь из дому! Я всем расскажу о твоём свинстве!» И рассказала. Мужики жалели его, а женщины укоряли. Но Матвей повинился лишь Ирочке и ее матери, и уехал в город. Пришло письмо от него, в котором он писал о том, что восстановился в университете, и там же устроился на работу в библиотеке. Через два месяца, Ольга появилась перед Ирочкой,

требуя адрес Матвея. «Сообщу ему о том, что будет он папашей. Пока ему. А не женится, ректору и в райком напишу».

Слезами заливалась Ирочка всю ночь. Нечем было ее успокоить. Несчастья не покидали эту семью. И любовь оказалась несчастьем...

Матвей перевелся на заочное отделение, огорчив весь педагогический состав факультета, потому что они видели в нем своего будущего коллегу, приехал домой и расписался с Ольгой. Победным взглядом окидывала она Ирочку, проходя мимо нее. А Ирочка каждый раз втягивала голову в плечи, дрожала от горя. Сердечко ее билось часто и больно. И оставшись одна она, возведя руки ввысь, подвывала, как израненная волчица. Но не волчицей она была, отнюдь нет. Она никому не жаловалась, не мешала, а говорила себе: «Все изменится...»

Матвея взяли на работу в школу вместо Ирочкиной мамы, потому что та заболела серьезно и печально. Она уже не могла выходить из дому. Сердце не справлялось. Она просила Матвея заходить к ним чаще, помогала ему с уроками. Ее советы были бесценны для него. И Матвей после школы направлялся к ним, и сидел допоздна за учебниками, за конспектами. Ольга каждый раз неистово орала на него дома, обвиняя его во всех грехах. И возвращение домой становилось для него ежедневной пыткой. А утром он снова направлялся к дому Ирочки, для того чтобы вместе им, с другими деревенскими ребятами, добраться до школы. Так уж было заведено это еще со времен первой учительницы. А Ирочка училась в выпускном классе. Она, замороженная беседами матери и Матвея также мечтала об истории, об университете. Но желала работать с архивными документами. Ей хотелось открывать новые горизонты в истории, углубившись в нее.

Ей было больно при каждой встрече с Матвеем. Она понимала, что он теперь живет взрослой жизнью, в которой нет места ей. Она не отпустила его в своем сердце. Она ежедневно болела им. Но эту болезнь не хотела преодолеть. Это было ее счастливым несчастьем, от которого не было лекарства. Ей оставалось только молиться и молчать, так же как и ее маме, которая жалела их обоих, и страдала потихоньку от дочери.

И вот прошло девять положенных месяцев, и Ольга родила сына, которого назвали Иваном. Матвей помогал жене, но каждый день слышал от нее упреки. Скандалила она на всю деревню. Он не перечил ей. Да и никто не перечил. Ее родители удивлялись склочному ее характеру, и ничего не могли изменить.

Вскоре после выпускного, Ирочкина мама тихо уснула навсегда. И Ирочка бежала из дому от горя, от несчастий, которые преследовали их в течении многих лет. Она не знала, что Матвей был у ректора, просил за Ирину, понимая, что подвергает человека опасности. При поступлении в учебное заведение, или на работу необходимо было заполнить анкету, в которой надо было указать происхождение, родственные связи с репрессированными, и

эмигрантами... Анкета от Ирины могла оказаться путевкой в лагерь. И тогда ректор, человек прошедший войну, научившийся в мирной жизни изворачиваться, хитрить, спасая других, предложил Ирочке написать в анкете то, что она не знает ни о ком ничего. И все прошло благополучно. Уже совсем близок был 1953 год, который замкнет репрессивный круг...

В университете она училась прилежно, кропотливо, так как положено историку. И что удивительно, на практику бегали они в архив, который расположился в их родовом особняке. И тогда Ирочка стала мечтать о служении именно в этом архиве. И, забегаая вперед, скажу, что мечта ее осуществилась. Именно там она и будет работать, и сделает немало открытий, в том числе о своих предках. Она считала, что ей помогли родные стены, когда-то оставленные семьей по воле властимущих, и икона Николая Мирликийского, найденная ею в ее детской комнате, в шкафу, заботливо спрятанная кем-то. Послание из прошлого в будущее, ей-наследнице. Единственное, что стало ее собственностью... Все в доме знали о маленьком тайничке в Ирочкином шкафу, и к празднику прятали для нее там подарочки. Видимо, кто-то из слуг позаботился о ней, в последний раз, припрятав икону...

Они виделись с Матвеем мельком, когда он приезжал в город. Но и только. Он писал ей письма, которых она ждала со страхом и трепетом, целуя их. И эта переписка, и эти короткие встречи в университете стали для них стимулом. Вот уже Ирочка стала аспиранткой... И вдруг пришло необычное письмо от Матвея, в котором он просил разрешения пожить в ее избе, так как ушел от Ольги, с которой он уже не мог больше находиться рядом. Конечно, Ира разрешила. Но и ждала от него другого письма, в котором он сделал бы ей предложение. Но писем не было. И тогда Ирочка сама написала ему о своей любви, сама сделала ему предложение. Ответ пришел сразу.

«Прости меня, родная. Я долго не решался тебе признаться в любви, не имел права. За все плачу сам, так думал я. Но ты, оказывается, тоже платила за мою глупость, и мама твоя платила, и сын мой платит. Ванюшка тоже ушел из дому ко мне. Мы теперь вдвоем живем в вашем доме. И сегодня я еще больше, чем вчера потерял право быть с тобой, потому что нас двое. Я не могу обременять тебя нами. Снова не имею права. Ты встретишь мужчину, который будет любить тебя безмерно, ибо ты самая лучшая, ты прекрасная... И тогда, взвесь все, и выходи за него замуж. Со временем ты его тоже полюбишь, ответишь на его любовь, на его заботу, на его внимание. Тебя ждет счастье! Зачем тебе, израненный на войне, униженный дома, человек... Прости меня».

14.02.2019.

Ирина Стебунова

Уметь ценить – большое искусство

Люди ничего не умеют ценить, думая что жизнь длинная и все у них будет. Замечательное качество – уметь ценить то, что у тебя есть. Не то, что у тебя было или будет, а то, что есть здесь и сейчас. В современном мире, человек не задумывается о ценности своей жизни, отношении к нему других людей, не ценит заботу, верность, преданность, не замечает того, что у него есть и хочет больше и больше, хотя в один момент стоит остановиться и задуматься «А ведь у меня есть многое то о чём другие мечтают годами», есть здоровье, есть любящий и верный человек рядом, который всегда поддержит и постарается помочь в трудную минуту, есть родители, есть денежные средства, есть кот, собака, есть работа, свой дом, уют в нем – мы слишком часто просто напросто не замечаем всего этого и лишь когда теряем, то задумываемся об этом. Только после того, как тебя уволят с работы, ты начинаешь любить её, только после того, как потеряешь зрение, начинаешь ценить его, только после того как твоя вторая половинка захлопнет дверь, ты думаешь о том, что ей не хватало внимания, разговора – да, человек способен очень долго молчать, но если ты его не слышишь и не видишь, он уйдет, рано и поздно. Можно привести кучу моментов, которые мы не ценим, да даже те же минуты счастья проведенные с родными, пока этот момент есть мы воспринимаем его как должное, а когда близкие уходят, мы начинаем ценить. Ошибка человека в том, что ценить нужно сейчас, вот в эту минуту, а не тогда, когда все станет простым воспоминанием, которое будет каждый раз напоминать о себе там внутри, и уж поверьте душевная боль она намного больнее физической.

Я могу сказать одно, ты вот именно – ты можешь изменить все здесь и сейчас. Именно с этого момента начни дорожить каждой минутой проведенной с родителями, ведь они не вечны и сегодня они есть, а завтра нет и все что у тебя останется это воспоминания. Именно сейчас полюби свою работу, быт-ну ведь так же легче, когда утром ты идешь на любимую работу, а вечером возвращаешься в свой дом, где тебя ждет вторая половинка, которая готовит для тебя ужин, встречает с порога объятиями и может даже не одна, а с твоим ребенком и четвероногими друзьями.

Помните о том, что искусство быть счастливым заключается в способности находить счастье в простых вещах. Как бы нам не пытались изображать на экранах телевизоров, в фильмах, сериалах счастье в виде шикарных машин, пачек долларов, огромных особняков у морей и океанов, как бы нас не пытались убедить, что это и есть счастье, не верьте этим словам! Я не спорю что иметь хороший доход, дом, машину – это плохо, нет, это прекрасно и к этому стоит стремиться, но счастье – это что-то большее. Пока вы не

научитесь находить красоту в самых маленьких, в самых обыкновенных вещах и предметах, вы никогда не узнаете, что такое настоящее счастье. Всё что требуется от вас - это порадоваться. Порадоваться новому дню , дождю , прочувствовать всем телом домашний уют и тепло, наслаждаться не спеша ароматным травяным чаем, радоваться каждому новому дню и быть благодарным за свою жизнь! С этого момента попробуйте в каждом обычном дне находить капельку необычного и понаблюдайте, как начнёт меняться ваша жизнь!

Контактная информация авторов

Назарова Светлана	<i>svetlanapoe@mail.ru</i>
Виктор Астанин	<i>astanin1948@mail.ru</i>
Ирина Артамонова	<i>iri22452009@yandex.ru</i>
Виктор Колбасин	<i>vik.colbasin2010@yandex.ru</i>
Николаенко Дарья	<i>nikolashad@yandex.by</i>
Замский Михаил	<i>michailzmsk@gmail.com</i>
Стебунова Ирина	<i>istebunova@bk.ru</i>

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 21

Все права на произведения принадлежат
исключительно их авторам

Составитель-редактор:

Независимое Издательство «Первая Книга»

www.перваякнига.рф